

БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Царь
Петр Алексеевич

История Российского государства

Борис Акунин

**Азиатская европеизация. История
Российского государства.
Царь Петр Алексеевич**

«АСТ»

2017

УДК 94(47+57)12/15
ББК 63.3(2)43

Акунин Б.

Азиатская европеизация. История Российского государства. Царь Петр Алексеевич / Б. Акунин — «АСТ», 2017 — (История Российского государства)

ISBN 978-5-17-082572-1

Тридцатилетие, в течение которого царь Петр Алексеевич проводил свои преобразования, повлияло на ход всей мировой истории. Обстоятельства его личной жизни, умственное устройство, пристрастия и фобии стали частью национальной матрицы и сегодня воспринимаются миром как нечто исконно российское. И если русская литература «вышла из гоголевской шинели», то Российское государство до сих пор донашивает петровские ботфорты. Эта книга про то, как русские учились не следовать за историей, а творить ее, как что-то у них получилось, а что-то нет. И почему.

УДК 94(47+57)12/15

ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-17-082572-1

© Акунин Б., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Личность	9
Воспитание	10
Характер	16
Частная жизнь	31
События	45
Царь, который не хочет царствовать	45
Первые шаги	49
Большое путешествие	58
Подготовка к войне	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Борис Акунин
Азиатская европеизация. История
Российского государства.
Царь Петр Алексеевич

Рецензенты:

М.В. Бабич, доктор исторических наук (РГАДА)

А.Б. Каменский, доктор исторических наук (НИУ ВШЭ)

И.В. Курикин, доктор исторических наук (РГГУ)

Карты – *М.Д. Романова*

Художник – *И.А. Сакуров*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами МИА «Россия сегодня», Diomedia и свободными источниками

© В. Akunin, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Предисловие

Период, описываемый в этой книге, очень короток, даже короче царствования Петра I (1682–1725), потому что поначалу монарх правил лишь номинально, и события тех лет изложены в предыдущем томе. Однако тридцатилетие, в течение которого Петр Алексеевич проводил свои преобразования, имеет огромную важность. Оно определило последующую судьбу страны и существенно повлияло на ход мировой, прежде всего европейской истории.

Произошло весьма значительное переустройство российского государства, притом не в результате национальной катастрофы, как в пятнадцатом веке после монгольского ига или в семнадцатом после Смуты, а вследствие сознательно осуществленных реформ. Этот опыт заслуживает внимательного изучения.

Реконструкция государства была вызвана причинами вполне объективными (несовершенством прежней модели), но в ее ходе прослеживается немало и субъективного, идущего от личности человека, который инициировал и возглавил этот процесс, а поскольку личность была довольно причудливой, столь же колоритной получилась и эпоха.

Писать о Петре и его времени оказалось очень непросто.

У нас есть четыре крупных исторических деятеля, отношение к которым окрашено сильными эмоциями: Иван Грозный, Ленин, Сталин – и Петр Великий. Об этих правителях страстно спорят не только историки. Каждое имя здесь – символ, за которым стоит определенная идеология и свой взгляд на государственное устройство.

Из-за Петра ломали и ломают меньше копий, чем из-за трех остальных, но тем чаще на него ссылаются, ставят в пример и назидание. Этим правителем у нас обычно восхищаются, его чтут и любят, однако полного единодушия тут все же никогда не существовало. Да, большинство авторов оценивают первого императора с большей или меньшей степенью восторженности, а тех, кто отказывается признавать за Петром величие, очень немного – но все же они есть, в том числе такие, от которых не отмахнешься.

Приведу две полярные оценки. Они принадлежат не ученым, а литераторам, величие каждого из которых – если уж говорить о величии – не уступает петровскому.

Благоговейно-признательная точка зрения большинства отражена в хрестоматийных строках Пушкина:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Но вот у Льва Толстого фигура Петра вызывает омерзение и ужас: «Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живых в землю, заточает жену, распутничает, мужеложствует, пьянствует, сам забавляясь рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных членов и подобиями Евангелий – ящиком с водкой славит Христа, т. е. ругается над верою, коронует б... свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына, и умирает от сифилиса, и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого

чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему» (знаменитый фрагмент из черновика к рассказу «Николай Палкин»).

Доблести Петра действительно восхвалялись во все времена: и при монархии, и в СССР, и в постсоветской России. Дело в том, что этот правитель импонирует обоим истари противоборствующим лагерям – как «государственникам», так и «либералам», но очень по-разному. Первым царь нравится как создатель мощной военной державы, вторым – как западник, повернувший страну лицом к Европе.

В российском массовом сознании образ Петра Первого прочно сформирован одноименным романом другого Толстого, Алексея Николаевича. Это замечательно талантливое произведение показывает царя патриотом и носителем высоких замыслов, однако в более раннем рассказе тот же автор изображает царя совсем иначе – грубым, нелепым, зверообразным самодуром: «Что была Россия ему, царю, хозяину... О добре ли думал хозяин, когда с перекошенным от гнева и нетерпения лицом прискакал из Голландии в Москву». Когда другой «хозяин», Иосиф Сталин, велел всей стране полюбить Петра, переменял свою точку зрения и писатель, но трудно сказать, как он, хорошо изучивший исторические документы, относился к императору на самом деле.

Должен сказать, что перед началом работы мое собственное представление об исторической роли реформатора было близко к пушкинскому, однако я решил, что отрешусь от всех прежних знаний и буду знакомиться с Петром Алексеевичем словно бы заново, главным образом опираясь не на суждения историков, а на источники, благо их более чем достаточно. Есть и документы, и многочисленные свидетельства современников. Петр – первый русский монарх, который был открыт для широкого общения, много времени проводил за границей и *был всем интересен*. Интересной для мира впервые стала и Россия, на которую в Европе раньше почти не обращали внимания. Об удивительном царе очень много писали, в особенности иностранцы. Есть и русские мемуаристы, конечно, менее свободные в своих суждениях, зато лучше понимавшие суть происходящего. Голоса эти разноречивы, но в своей совокупности дают полную и выпуклую картину эпохи.

Заходя вперед, скажу, что в результате этого обильного чтения мои представления о Петре и мое понимание сути его деятельности существенно переменялись, но свои выводы я изложу в самой последней, заключительной главе, и очень возможно, что читатель с ними не согласится.

Остается объяснить, как устроена книга.

Те, кто читал предыдущие части моей «Истории», уже знают, что принцип организации материала от тома к тому меняется. У каждого исторического периода своя специфика, и удобнее вести рассказ, применяясь к этим особенностям.

В данном томе четыре раздела.

Первый целиком посвящен фигуре Петра. Без знания и понимания того, что представлял собой этот человек, трудно было бы понять, почему события шли так, а не иначе. Обстоятельства его личной жизни, черты характера, умственное устройство, система взглядов, страсти и фобии, даже состояние его здоровья – все эти, казалось бы, частности оказывали немалое влияние на жизнь страны, а некоторые из них стали частью национальной матрицы и сегодня воспринимаются миром как нечто исконно российское. Если русская литература вся «вышла из гоголевской шинели», то про российское государство можно сказать, что оно до сих пор донашивает петровские ботфорты.

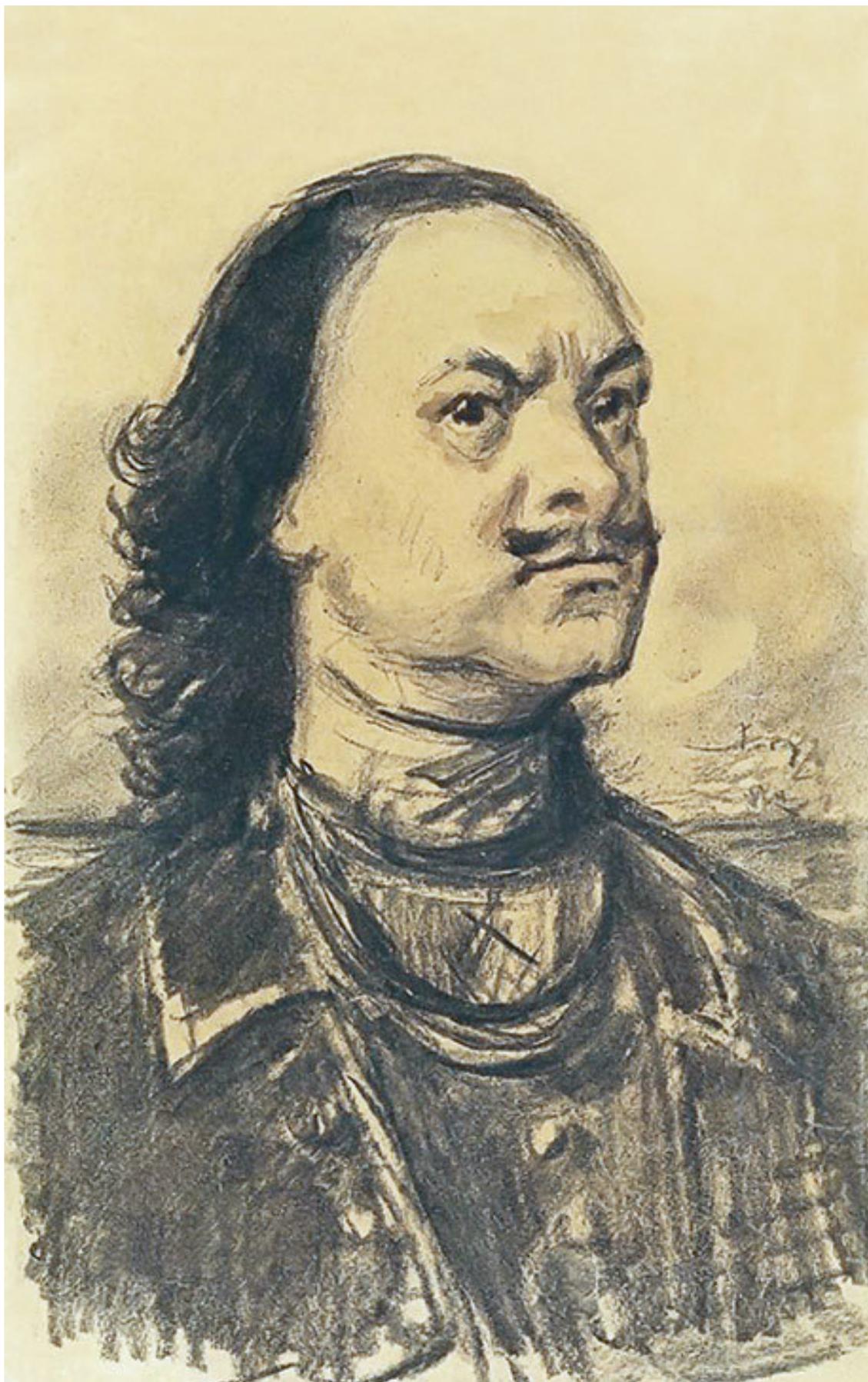
Второй раздел называется «События». Это последовательное, хронологическое изложение событий царствования, разделенное на 13 временных узлов.

Третий раздел – тематический. В нем вычленены главные направления, по которым жизнь страны изменилась в ходе реконструкции.

Наконец, в четвертом разделе дается групповой портрет членов петровской «команды» – соратников и помощников, без которых государь не осуществил бы ни одного из своих масштабных замыслов. Всё это люди сильные, яркие, дети своей эпохи и в то же время ее творцы.

Эта книга вообще про то, как предки учились не следовать за историей, а *творить* ее, как что-то у них получилось, а что-то нет. И почему.

Личность

Воспитание

Воспитания как такового Петр, в общем, никакого не получил – если иметь в виду под воспитанием сознательную и ответственную подготовку вероятного наследника престола к высшей власти. Это упущение нельзя списать на примитивность тогдашних педагогических представлений, ведь предыдущие цари, Федор и Алексей, на заре жизни прошли весьма неплохую по тем временам выучку, которая сделала их образованными (пусть в старомосковском понимании) людьми и обучила «царскому ремеслу». Но отрочество Петра прошло в весьма специфической обстановке, когда им никто всерьез не занимался, и даже скромным премудростям русского семнадцатого века мальчика учили из рук вон плохо.

Впрочем, раннее детство царевича не предвещало никаких отклонений от давно разработанного порядка. Четырнадцатый по счету ребенок государя Алексея Михайловича появился на свет 30 мая 1672 года. Впечатляющая многодетность монарха (всего у него будет шестнадцать отпрысков) обманчива. Для продолжения династии значение имело лишь мужское потомство, пережившее детский возраст; таких сыновей у царя к моменту рождения Петра было только двое, и оба очень нездоровые – как говорится, «не жильцы».

Третий сын родился крепким, и можно было надеяться, что он выживет. В Кремле от великой радости три дня звонили в колокола и палили из пушек.

«Нормальное царское детство» у Петра продолжалось десять лет, пока правили его отец, умерший в 1676 году, и старший брат Федор Алексеевич, прохворавший всю свою короткую жизнь и скончавшийся весной 1682 года.

В пять лет, как положено, маленького царевича начали учить азбуке, часослову, псалтырю, евангелиям. Учил подьячий Никита Зотов, который, кажется, плохо справлялся со своим делом – оно и неудивительно, если учесть последующую карьеру этого субъекта во Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе. Зотов был человеком никчемным, большим пьяницей. Он не смог научить своего подопечного даже грамотному письму. При всей условности тогдашней орфографии царские записи выглядели чудовищно. «Он пишет невозможно, – сетует В. Ключевский, – не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не умеет разделять слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: “всегда”, “сытьрелять”, “взяфь”».

Еще ужасней был почерк, по чистоте которого тогда отличали образованного человека. В петровских каракулях, совершенно неудобочитаемых, сегодня могут разобраться только специалисты.

Возможно, в дальнейшем царевичу больше повезло бы с учителями, но в мае 1682 года в жизни мальчика случился коренной перелом: он был объявлен русским самодержцем, вначале единоличным, а после стрелецкого бунта – вместе с братом Иваном.

Не буду пересказывать эти политические пертурбации, подробно описанные в предыдущем томе. Сейчас они интересуют нас лишь с точки зрения петровского воспитания и образования. Первое катастрофически исказилось; второе фактически прекратилось.

Тому несколько причин.

Во-первых, статус монарха, пускай номинальный, возлагал на мальчика серьезные, главным образом церемониальные обязанности и заставлял окружающих относиться к нему иначе – какой-никакой, а государь.

Во-вторых, положение Петра после захвата власти царевной Софьей сделалось непрочным и двусмысленным: правительница и ее окружение воспринимали Петра как угрозу. Чем неразвитее и, если так можно выразиться, *глупее* оставался «младший царь», тем меньше было оснований его бояться. Софья и ее фаворит Василий Голицын делали ставку на «старшего царя», недееспособного Ивана, а двор Петра третировали и обделяли деньгами; дельных, тол-

ковых людей, из которых могли бы получиться хорошие воспитатели и учителя, близ подростка не было.

Имелась тут и еще одна интересная особенность. В ту эпоху всем вроде бы заправляли мужчины, но Петр вырос в мире, где доминировали женщины. Страной правила царевна Софья Алексеевна, главой оппозиции была царица Наталья Кирилловна. Мужчины обеих партий находились в подчинении. В зрелом возрасте Петр будет начисто лишен обычной для старой Руси мизогинии, выпустит женщин из запертого терема, станет относиться к ним как к равным, а свою избранницу возвысит до положения соратницы, дав старт грядущему «веку женщин».

Маленький Петр целиком находился на попечении матери, вдовствующей царицы Натальи, и ее родственников Нарышкиных, совершенно не заботившихся об обучении мальчика. К этому времени как раз закончилась начальная стадия учебы, на которой Петр худо-бедно освоил грамоту, Писание и церковное пение. Далее, по уже сложившемуся порядку, он должен был перейти на попечение монахов киевской школы, которые преподавали бы ему грамматику, риторику, философию, диалектику, а также латынь, греческий и польский языки, – именно так, по западнорусской системе, учились его старшие братья и сестры. Однако постичь все эти премудрости Петру было не суждено. Как пишет С. Платонов, царь остался «неучем и невеждой». Получил мальчик стандартное «славянское» образование, вряд ли он впоследствии так жадно тянулся бы к Европе, но вместо греческо-киевской схоластической учености Петр увлечется другой системой знаний – немецкой, прагматической. Этим на всю жизнь и определится направление, в котором будет развиваться его бойкий ум.

Петр I в детстве. *Неизвестный художник. XVII в.*

«Дядьками», то есть воспитателями Петра, в это время были брат царицы Лев Нарышкин, еще один родственник – окольничий Тихон Стрешнев и князь Борис Голицын. Известный мемуарист князь Куракин, хорошо знавший жизнь царского двора, дает всем троим нелестные характеристики: юный Лев Нарышкин (всего на восемь лет старше питомца) «невоздержан к питию» и «гораздо посредняго ума»; Стрешнев – дворцовый интриган и тоже неумен; Голицын хоть и умен, но пьяница и «к делам неприлежной, понеже любил забавы». Мы увидим, как беспомощно себя проявит нарышкинская партия после 1689 года, когда получит власть над государством.

Находясь на попечении этой троицы, царственный отрок, в общем, был предоставлен сам себе: занимался только тем, что увлекало, и учился только тому, что вызывало любопытство.

Интересы юного царя ограничивались двумя сферами – он любил военные игры и механические устройства.

Сохранились документы, по которым можно восстановить постепенную эволюцию интересов и запросов мальчика, подростка, юноши.

Сначала для него закупали игрушечное оружие, потом настоящее, затем дошла очередь и до более серьезного снаряжения. У десятилетнего царя была «потешная» площадка с деревянными пушками, где он играл в войну с «потешными ребятами», своими сверстниками из детей дворцовой челяди. Но уже через год в подмосковном селе Воробьеве Петр начинает палить из настоящих орудий. В тринадцать лет он строит на Яузе маленькую крепость с башнями и подъемным мостом, она называется Пресбург – стало быть, в этом возрасте царь уже любит все немецкое. «Ребятки» подрастают, их становится больше, счет уже идет на сотни. Часть живет в Преображенской слободе, часть в Семеновской – так зарождаются две будущие гвардейские части российской армии. Эти живые игрушки учатся маршировать, дудят в трубы, бьют в барабаны, устраивают стрельбы. Не нужно впрочем преувеличивать боевую мощь «потешных» батальонов, как это делают некоторые авторы, утверждая, что те сыграли важную роль в августе 1689 года, когда Нарышкины отобрали власть у правительницы Софьи. Преображенцы и семеновцы тогда еще были слабы и не могли бы защитить Петра от московского гарнизона – победу обеспечил раскол среди стрельцов и переход регулярных солдатских частей на сторону «младшего царя». Свою роль петровские «солдатики» сыграют позже.

Не меньше, чем военными забавами, юный царь увлекался всякого рода техническими устройствами – любыми. У мальчика была отличная практическая сметка, острая сообразительность и ловкие руки. В 12 лет он приказывает купить «каменщицкую снасть» – молотки и лопатки. Потом ему прямо в хоромах устанавливают какую-то кованую медную доску – вероятно, верстак. Далее Петр обзаводится плотничьим, столярным, кузнечным снаряжением. Больше всего – до конца жизни – он полюбит токарное дело и впоследствии достигнет в нем изрядного мастерства. Став постарше, юноша велит привезти ему из Европы готовальню и астролябию. Более сложные инструменты требуют знания математики, и Петр начинает учиться точным наукам – бессистемно, но страстно. Известно, что с элементарными правилами арифметики он ознакомился лишь в шестнадцатилетнем возрасте, зато потом сразу перешел к баллистике и фортификации.

Учителя вроде Никиты Зотова таких дисциплин не знали, и Петр начинает окружать себя чужеземцами. В Москве конца семнадцатого века ничего удивительного в подобных контактах уже не было. Царский двор давно привык пользоваться услугами иностранцев, когда требовались какие-то навыки или познания, которыми не обладали русские. В свое время, в середине столетия, патриарх Никон приказал иноверцам селиться в одном месте, изолированно от православных, дабы те не соблазнились басурманскими богослужениями и обычаями. В результате рядом с Москвой вырос настоящий европейский городок – Кукуй, или Немецкая слобода, где и жили немецкие, голландские, британские, швейцарские офицеры, мастера, коммерсанты, промышленники. От основной резиденции Петра в Преображенском до Кукуя было всего два километра.

Первый нерусский учитель шотландец Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезиус) у мальчика появился еще при жизни Алексея Михайловича, который ценил и отличал этого бравого солдата и дипломата. Пробыл он при маленьком Петре недолго, при Софье был выслан из Москвы, однако, кажется, именно Мензис привил мальчику любовь к солдатским играм и симпатию к европейцам.

В подростковом возрасте Петр уже сам истребовал себе учителя-иностранца. Произошло это при следующих обстоятельствах. Когда шестнадцатилетнему царю привезли из Франции астролябию, оказалось, что никто из русских не мог ею пользоваться. Разыскали некоего голландца Франца Тиммермана, который умел по инструменту исчислять широту, но любознательный Петр захотел овладеть этой хитростью сам. Пришлось заодно научиться у Тиммермана математике, геометрии и астрономии.

Потом в старом сарае нашлась диковинная лодка нерусской конструкции, на которой можно было плавать против ветра – знаменитый ботик. Царю доставили из Кукуя голландца Карстена Брандта. Двадцать лет назад он приехал в Россию по вызову Алексея Михайловича строить первый русский военный корабль «Орел». Судно сожгли люди Степана Разина, план флотского строительства провалился, и Брандт зарабатывал на жизнь плотничьим трудом. Но, починив ботик и научив Петра управлять парусами, Брандт стал близким ко двору человеком, обучил своего подопечного множеству полезных вещей и привил ему страстную любовь к мореплаванию. Не будет преувеличением сказать, что это «хобби» определило историческую судьбу России.

Были около Петра в это время и другие иностранцы, у которых он учился тому, что его в данный момент занимало. Интересовали юного царя в основном вещи практические: как метко стрелять из пушки, как чинить часы, как устроить фейерверк. Видные иностранцы, которых в Москве тоже хватало, пока власть находилась в руках Софьи, предпочитали держаться подальше от «нарышкинского» двора, так что петровские «немцы» Преображенского периода – это в основном мастера, люди маленькие. Не воспитатели, а инструкторы.

Петровский ботик. Коллекция Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге

В последующие годы Петр с его неумной любознательностью и активностью обучится еще множеству всяких наук и ремесел, будет свободно говорить на двух иностранных языках (голландском и немецком) и понимать французский, но так и останется человеком неотесанным, грубым – даже по меркам своего небонтонного времени. В зрелые годы он хорошо признавал этот дефект и сетовал на ущербность собственного воспитания и образования.

Биографы обычно описывают юность реформатора, первые проявления его пылкости с умилением, однако сам Петр, кажется, никакой ностальгии по тем временам не испытывал. В пятидесятилетнем возрасте, захав в давно заброшенное Преображенское, он внезапно, следуя какому-то странному порыву, приказал сжечь старый деревянный дворец – словно хотел вычеркнуть из памяти раннюю пору своей жизни. (Есть, правда, и другое объяснение, роман-

тическое: в год завершения Северной войны царь предал сожжению дворец, где эта война была объявлена. Но по этой логике правителям пришлось бы истребить слишком много архитектурных сооружений.)

Когда режим Софьи рухнул, Петру было семнадцать лет. К этому времени он уже вытянулся во весь свой великанский рост (201 сантиметр) и был женат, но взрослым назвать его было трудно.

Драматические события августа – сентября 1689 года, когда судьба государства висела на волоске, обошлись, в общем, без участия «младшего царя». Всё, что он сделал – при первом (недоверном) слухе о стрелецкой опасности по-детски сбежал из Преображенского в Троицу, а в дальнейшем действиями «нарышкинцев» руководил Борис Голицын.

Но вот противостояние завершилось. Софью заточили в монастырь, «старший царь» на соучастие в управлении не претендовал – казалось бы, Петру самое время стать из номинального монарха подлинным самодержцем, однако выяснилось, что он совершенно не готов к управлению государством и даже не имеет подобных устремлений. «Детство» Петра растянулось еще на несколько лет.

Характер

Воспитание (вернее, его отсутствие), пережитые в детском возрасте потрясения и особенности психофизической конституции – вот факторы, повлиявшие на формирование личности Петра.

Человеку, которому выпала странная судьба родиться в августейшей семье и очень рано взойти на престол, трудно сохранить нормальную психику – на нем слишком сконцентрировано внимание окружающих, очень велик набор стрессов и обязательств. Ощущение своей вознесенности над всеми остальными людьми, не оправданное ничем кроме Божьей воли, создает особый тип психики, для которой свойственны крайний эгоцентризм и ослабленная эмпатия. Впору было бы исследовать патологическое состояние «Синдром самодержца».

Как мы увидим, главный оппонент Петра шведский король Карл XII, сформировавшийся при сходных обстоятельствах, получился личностью еще более диковинной, чем русский государь. В характере Петра странностей тоже хватало, но их и не могло не быть.

Представьте состояние десятилетнего мальчика, который живет своей детской жизнью и даже не считается наследником – царь Федор молод, а есть и еще один брат, Иван, шестью годами старше. Вдруг самодержец умирает, и маленький Петр оказывается в эпицентре свирепой борьбы за власть. Сначала верх берут его родственники Нарышкины, мальчика объявляют государем всея Руси, начинают оказывать ему все подобающие знаки внимания, заставляют участвовать в пышных, малопонятных ему церемониях. Затем происходит кровавый стрелецкий путч. На глазах у ребенка убивают его родственников и приближенных, он слышит истерические крики матери, видит свирепых, страшных людей, находится всецело в их власти. И вот он уже не самодержец, а «младший царь», которого отодвигают на задний план, третируют, унижают. Хуже того – мальчик постоянно опасается за жизнь, потому что взрослые вокруг него все время шепчутся о кознях Софьи, боятся, что Петра убьют или отравят.

Во времена Московского царства вообще много шепчутся о ядах. Подобные слухи часто возникают в связи с внезапной смертью или странной болезнью венценосной особы. Поговаривали, что от «злого зелья» умерли первая жена Ивана IV Анастасия и царь Федор Иоаннович, в 1605 году официально объявили, что отравился Борис Годунов. Попыткой отравления иностранцы-современники объясняли и знаменитые петровские судороги (о них речь ниже), несомненно пересказывая то, о чем говорили в России. Голштинский посланник граф Бассевич много лет спустя пишет как о чем-то общеизвестном: «Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая сестра София».

На самом деле убийства при помощи яда совсем не старомосковский метод устранения политических врагов – просто в силу недостаточного развития химии. Убивать убивали, но обычно более надежным образом: оружием. Что, впрочем, не мешало августейшим персонам панически бояться яда.

При таком детстве и у совершенно здорового человека возникли бы проблемы с психикой, а Петр здоровьем не отличался. Наследственность у него была очень тяжелая: и царь Алексей (1629–1676), и царь Михаил (1597–1646) без конца хворали и рано умерли. Сын Натальи Нарышкиной казался современникам крепышом лишь по сравнению с совсем уж хилыми сыновьями Марии Милославской. На самом деле Петр хоть и был физически силен, но часто болел, в зрелые годы постоянно лечился и прожил ненамного дольше, чем отец и дед.

В его облике ощущалась явная ненормальность, которую своим взглядом художника подмечает Валентин Серов, готовившийся написать серию петровских портретов: «Он [Петр] был страшный: длинный, на слабых, тоненьких ножках и с такой маленькой, по отношению ко всему туловищу, головкой, что больше должен был походить на какое-то чучело с плохо приставленной головой, чем на живого человека. В лице у него был постоянный тик, и он вечно кроил рожи: мигал, дергал ртом, водил носом и хлопал подбородком».

Речь здесь идет о хроническом тике, на который обращали внимание все, кто близко наблюдал царя. Левая половина его лица время от времени начинала дергаться, а иногда эти приступы переходили в серьезный припадок, когда спазм охватывал шею, глаза закатывались под лоб, начинались конвульсии обеих левых конечностей. Андрей Нартов, личный токарь царя (очень важная должность при петровской любви к токарному ремеслу), рассказывает в своих записках: «Государь поистине имел иногда в ночное время такие конвульсии в теле, что клал с собою денщика Мурзина, за плеча которого держась, засыпал, что я сам видел. Днем же нередко вскидывал головою кверху». Приступы происходили и в дневное время, в особо тяжелых случаях приводя к потере сознания. Обычно Петр приходил в себя через один-два часа, но однажды, в феврале 1711 года, пролежал так полтора дня. Граф Бассевич сообщает: «Появление припадков узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его; потом сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтоб не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождалась страшною головою болью, которая продолжалась целые дни».

Петровская болезнь «причиняла несчастья» не только самому царю. Во время припадков Петр иногда впадал в неконтролируемое бешенство, совершая всякие чудовищные поступки. Возможно, впрочем, что последовательность была и обратной: ярость влекла за собой судороги.

В прежние времена было принято объяснять эту нервную болезнь психическими травмами детства. Так, кажется, считал и сам Петр. Нартов пересказывает слова государя: «От воспоминания бунтовавших стрельцов, гидр отечества, все уды во мне трепещут; помысля о том, заснуть не могу. Такова-то была сия кровожаждущая саранча!» Однако современные медики, анализируя симптомы, отвергают психогенную версию. Здесь явно прослеживаются признаки некой хронической невропатологии.

Согласно одной версии, Петр мог страдать синдромом Туррета, серьезным расстройством нервной системы, сопровождаемым моторными тиками. Приступы этой болезни нередко стимулируются сильным эмоциональным переживанием – как это происходило с царем. Люди с синдромом Туррета гиперактивны, подвержены атакам бешеного гнева и вообще склонны к обсессивно-компульсивному поведению.

Другое объяснение выдвинул американский невролог Джон Хьюз. Он предположил, что тяжелая болезнь, от которой Петр чуть не умер зимой 1693–1694 года, была клещевым энцефалитом, повлекшим за собой осложнение в виде так называемой «кожевниковской эпилепсии». Для этой хронической болезни свойственны и судорожный симптом, и гемипарез (ослабление мышц одной половины тела), и эмоционально-психические нарушения. Известно, что у людей, страдающих этим видом эпилепсии, бывают периоды неконтролируемого веселья, сменяемые депрессией и страхами. Еще один симптом – склонность к чрезмерной детализации, как мы увидим, очень свойственная Петру.

Петр I. В.А. Серов

Следует сказать, что и синдром Туррета, и эпилепсия никак не тормозят интеллектуальную деятельность – наоборот, бывает, что делают ее более интенсивной. Оба болезненных состояния нередко наблюдаются у гениев.

Я уделяю столько места рассказу о петровском недуге, потому что он может объяснить некоторые черты личности царя, давать ключ к его поведению и поступкам. Можно выразиться так: когда у самодержавного правителя спазмы, начинает трясти всю державу. Ну и, конечно, в железной, иногда иррациональной целеустремленности Петра прослеживаются явные признаки обсессивной компульсивности (например, в злосчастной эпопее Воронежского флота, о которой мы поговорим в свое время).

Итак, что же это был за характер? Каковы его особенности?

Прежде всего в глаза бросаются разнообразные проявления пресловутой гиперактивности – хотя бы просто на физическом уровне. Петр не может долго оставаться на месте, он все время в движении: вечно куда-то спешит, наскоро и неряшливо ест, при ходьбе быстро перебирает своими журавлиными ногами, так что свита сзади вынуждена нестись вприпрыжку. Так же быстро он и ездил – гнал лошадей во весь дух, часто без остановок, даже спал в санях или в коляске. Ему, кажется, было невтерпеж долго оставаться на одном месте. Пишут, что и во время застолий он постоянно вскакивал, выбегал из помещения, потом возвращался.

Царь не мог находиться в роли пассивного зрителя, ему обязательно требовалось участвовать в любом действии. Поэтому, немного понаблюдав, как работает мастер или как оперирует врач, он немедленно сам хватался за инструмент. В 1717 году в Париже регент герцог Орлеанский как-то решил побаловать высокого гостя оперой – Петр очень скоро сбежал из зала, оставив всех в недоумении. При неразборчивом и жадном заимствовании каких угодно европейских новинок русское общество начала восемнадцатого века не пристрастилось к театру, потому что монарх не признавал развлечений, за которыми достаточно было просто наблюдать. Иное дело – самому участвовать в театрализованных шествиях и маскарадах или запускать фейерверки.

Не приходится удивляться, что, придя к власти, Петр совершенно разрушил московский церемониал, при котором государям приходилось бесконечно участвовать в долгих, неспешных ритуалах: сидеть истуканом на троне, часами стоять на молебнах, медленно шествовать во главе пышных процессий.

Но иногда нетерпеливая порывистость Петра мешала осуществлению его замыслов. Так, в 1698 году, во время Великого посольства, главной целью которого были переговоры с Венским двором, с немалым трудом добившись личной встречи с Леопольдом I, молодой москвит произвел весьма несерьезное и невыгодное впечатление – нарушив протокол, которому при церемонном австрийском дворе придавали большое значение, он бросился навстречу императору гигантскими шагами, а потом, совсем уже ошеломив придворных, выбежал в парк, сел в лодку и начал бешено работать веслами. Такое поведение вряд ли помогло русско-австрийским переговорам, и без того трудным.

Нервическая энергичность сохранилась и в немолодом возрасте. Мы в подробностях знаем, как Петр строил свой день, когда не находился в дороге, а жил оседло, в своем любимом невском «парадизе».

Вставал он в пятом часу утра и, словно разогреваясь, *с полчаса просто расхаживал по комнате*. Потом, после утреннего доклада, усаживался в легкую коляску и мчался по строительным объектам, которых в столице всегда имелось множество. Затем несся в Сенат, оттуда в Адмиралтейство. После недолгого обеденного отдыха снова фонтанировал энергией: принимал решения по многочисленным донесениям, писал свои бесконечные регламенты с инструкциями, занимался «Гисторией Свейской войны». Затем следовал досуг – тоже чрезвычайно активный. Царь работал на токарном станке или занимался каким-то другим ремеслом, потом отправлялся на ассамблею или какую-нибудь шумную попойку. Выходных дней у самодержца не бывало.

Следует сказать, что гиперактивность, какими бы физиологическими или психологическими причинами она ни объяснялась, – очень ценное качество для правителя. Особенно если такой же динамичностью обладает его ум, а у Петра тело вечно не поспевало за стремительностью мысли. У этого человека беспрестанно возникали новые идеи, он ими загорался и немедленно приступал к их осуществлению. Но при этом (спасибо пресловутой Obsessionности), увлекаясь новой целью, он не охладевал к прежней, так что с годами поставленные задачи всё

множились. Царь был упорен и упрям – иногда до абсурдности, но без этой петровской «упертости» ни одно начинание не было бы завершено. Одна из самых сильных, позитивных черт Петра состоит в том, что он никогда не опускал руки и не смирялся с неудачей. Наоборот, поражение словно удваивало его энергию.

Не менее ценным порождением огня, всю жизнь опалявшего эту беспокойную душу, была жадная любознательность. Она с одинаковым пылом расходовалась на важные предметы и на чепуху, но сама всеядная широта петровских интересов не может не восхищать.

Петр не имел склонности к отвлеченным наукам и изящным искусствам, его занимало не теоретическое обоснование и не красота жизни, а ее механика, *практическая польза*. Знаменитый мемуарист герцог Сен-Симон, близко наблюдавший сорокапятiletнего Петра в Париже, пишет: «Сей государь поражает своим сугубым любопытством, которое всегда связано со сферами управления, коммерции, образования или полиции. Это всеохватно и касается даже самых мелочей, если в них обнаруживается полезность».

Петр I в Монплеzure (загородной Петергофской резиденции). *В.А. Серов*

В первое свое европейское путешествие царь отправился, желая в доскональности изучить кораблестроение, – и преуспел в этой профессии, пройдя выучку у лучших мастеров, голландцев и англичан. Считается, что к тому времени он уже освоил четырнадцать разных ремесел. Но Петр неустанно пополнял багаж знаний и в дальнейшем. Физика, химия, математика, ботаника, зоология, медицина, анатомия, астрономия, геология, география, палеонтология – вот далеко не полный перечень дисциплин, которыми интересовался его стремительный, ни на чем долго не задерживавшийся ум.

Но была в петровской порывистости и оборотная, черная сторона, проявлявшаяся в приступах необузданной ярости. Царь легко впадал в исступление и в гнев бывал страшен – каза-

лось, он на время лишался рассудка, иногда из-за сущих пустяков. В таком состоянии он мог наброситься даже на тех, к кому относился с любовью и уважением. Однажды, пируя дома у Франца Лефорта, Петр кинулся со шпагой на своих ближайших товарищей – Шеина, Никиту Зотова, Ромодановского, причем последнего даже ранил. В другой раз он повалил на пол и бил ногами самого Лефорта, которого чтит больше всех людей на свете. Известны случаи, когда Петр, не помня себя, наносил своей тяжелой рукой и смертельные удары.

Иногда вспыльчивость выливалась в сцены совершенно отвратительные. В голландском городе Лейден царь с огромным интересом наблюдал, как знаменитый медик Герман Бургаве анатомирует труп, – и вдруг заметил, что кто-то из свиты взирает на эту жуткую процедуру с отвращением на лице. Мгновенно рассвирепев, Петр велел чистоплюю рвать мертвеца зубами – и тот ничего, рвал, на глазах у обмерших аборигенов.

Когда требовалось выбить из какого-нибудь подозреваемого признание, Петр не брезговал лично участвовать в пытках, и, если допрашиваемый не сознавался, государь требовал все более жестоких истязаний. Ничем кроме болезненно-истерического возбуждения нельзя объяснить то, что самодержец собственноручно, на глазах у всех, рубил головы стрельцам во время массовых казней 1698 года. До такого, кажется, не опускался и Иван Грозный.

Полагаю, что еще одна особенность петровского характера, прославленная всеми биографами, – бытовая неприхотливость, тоже напрямую связана с нетерпеливостью.

Петр вечно торопился. Ему скучно было разряжаться – и он одевался попросту, как придется: обычно не носил париков, кружевных галстуков и манжетов, не любил перчаток, из обуви предпочитал грубые сапоги. Дома ходил в засаленном халате (вообще не отличался аккуратностью и чистоплотностью). Не лакомился деликатесами – не мог долго сидеть за трапезой. Ел много, как того требовала его великанская конституция и неумная энергия, но самую простую пищу. В век, когда европейские монархи пытались подражать «королю-солнце» Людовику XIV и пышности Версаля, российский двор производил на иностранцев впечатление невероятной скромности, и это несомненно было благом для разоренной войнами страны. Из всех тогдашних венценосцев русского царя затмевал аскетизмом один лишь Карл XII – тот даже и вина не пил.

Впрочем, Петру, кажется, доставляло удовольствие обходиться малым – это соответствовало его ощущению комфорта. Он, выросший в тесных и низких теремных комнатах, не жаловал просторных помещений и высоких потолков. В Петербурге построил себе маленький домик, а путешествуя по Европе, очень не любил останавливаться во дворцах. В Париже он отказался жить в Лувре и в конце концов поселился в частном доме, где ночевал в гардеробной.

Любопытна дотошность, с которой властелин огромной державы со всеми ее богатствами, вел учет жалованья, получаемого им согласно чину (Петр играл сам с собой в «карьерную игру», постепенно присваивая себе все более высокие звания). В царских записях можно прочесть, что в 1707 году «полковничьего окладу» получено 2 598 рублей, из коих выдано «Анисье Кирилловне» на какой-то штоф 26 рублей, а Авраму-арапу (тому самому, пушкинскому предку) да Якиму-карле на платье 87 рублей 13 алтын 2 деньги.

В связи с «арапами и карлами» нельзя не затронуть тему знаменитого петровского юмора, придававшего специфический колорит всему царствованию.

Все современники и мемуаристы пишут, что царь любил подурачиться, причем разного рода шутовства обставлялись с невероятным размахом. Были и торжественные празднества – театрализованные шествия, манифестации, живые картины, которые устраивались по серьезным поводам, например по случаю очередной победы, но не меньше энергии Петр тратил на всевозможные безобразия.

Некоторые из развлечений, так сказать, «легкого жанра» были вполне в традициях московского двора – например, придворный штат карликов, «арапов» и прочих людей необычного вида. Карлики сопровождали Петра повсюду, он любил устраивать им свадьбы, во время пиров они неожиданно выскакивали из гигантских пирогов и так далее, но такого рода забавами потешался и тишайший Алексей Михайлович. Петр же находил особенное удовольствие именно в безобразиях – часто совершенно хулиганского толка. Ему нравились шутки самого грубого, низменного сорта: кататься на свиньях, налить кому-нибудь в нос уксуса, насильно упоить гостей до скотского состояния и т. п.

Однажды датский посланник Юст, уже сильно пьяный, отбиваясь от назойливого угощения, обругал государя и даже выхватил шпагу, то есть совершил тягчайшее из преступлений, но никаких последствий не было. Назавтра дипломат и царь попросили друг у друга прощения, потому что ни тот ни другой ничего не помнили и узнали об инциденте только от свидетелей. Этот случай закончился мирно, но так бывало далеко не всегда.

Юмор у Петра мог быть не только грубым, но и злым. Его явно раздражали благонравные московские бояре, которые, разумеется, относились к царским выходкам с осуждением. В отместку дебошир под видом веселья унижал и мучил тех, в ком подозревал недовольство.

«И в тех святках что происходило, то великою книгою не описать, и напишем, что знатнаго, – рассказывает князь Борис Куракин. – А именно: от того начала ругательство началось знатым персонам и великим домам, а особливо княжеским домам многих и старых бояр: людей толстых протаскивали сквозь стула, где невозможно стать; на многих платье дирала и оставляли нагишом; иных гузном яицы на лохани разбивали; иным свечи в проход забивали; иных на лед гузном сажали; иных в проход мехом надували, отчего один Мясной, думной дворянин, умер. Иным многия другия ругательства чинили. И сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуговливались, как бы к смерти».

В натуре царя было нечто, требовавшее глума, надругательства, похабства. Одно из самых известных учреждений Петра – Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор был создан еще в начале 1690-х годов, когда царь не правил, а лишь развлекался, но сохранилось это странное учреждение и впоследствии. Царь собрал туда всевозможных уродов, дураков, обжор, пьяниц, скабресников и год за годом наслаждался этой игрушкой, приводя в ужас обывателей отвратительными дебошами. Как в голове Петра совмещались представление о величии и юродское шутовство – непонятно.

Давая характеристику реформатора, Ключевский говорит: «Петр Великий по своему духовному складу был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их». Мне же этот человек представляется невероятно сложным, сотканным из сплошных противоречий. Я бы сказал, что противоречивость – вообще главное свойство этой личности.

Прежде всего озадачивает контраст между фантастической масштабностью замыслов и постоянной заикленностью на мелочах. Это проявлялось не только в бухгалтерской регистрации расходов в «13 алтын и 2 деньги», а буквально во всем. Петру всегда мало было указать магистральное направление, он должен был составить пошаговую инструкцию, разметить каждый дюйм на обозначенном пути. Повелитель огромной страны, а впоследствии один из вершителей судеб Европы тратил большую часть своего драгоценного времени на детализацию собственных указов, часто на совершенную ерунду. Регламентация уставов и всевозможных правил, скрупулезное расписывание должностных обязанностей самых мелких чиновников, подробные указания, как кому одеваться, как стричь волосы, как бриться, в каких жить домах, как проводить свадьбы и как хоронить покойников, как торговать, какими серпами жать – вот

основное времяпрепровождение «самодержавного властелина». Здесь, конечно, можно вспомнить о патологической детализации как части клинической картины кожевнической эпилепсии, но медицинская причина петровской «мелочности» не столь существенна. Важно, что с точки зрения административной методики Петр относился к числу правителей, строивших государство не по принципу стимулирования инициативы граждан, а по принципу строжайшего регламентирования – не слишком эффективная технология в условиях огромных просторов и плохих коммуникаций. Извечная российская беда – неорганизованность, безалаберность, неисполнительность – исторически объясняется непривычкой проявлять инициативу и думать своим умом; вечное государственное принуждение отбивало эти качества. Петр же пытался справиться с этой хронической болезнью, закручивая гайки еще туже.

Большой маскарад в Москве. *В.И. Суриков*

Петр норовил подвергнуть тотальной регламентации даже то, что предполагает полный отказ от каких-либо правил. Давайте посмотрим, как был устроен Всешутейший Собор. Он вроде бы создавался для всяческих дебошей и беспорядков. Но при этом в его структуре нет ни малейшего люфта для импровизации или отсебятины, правила жестче, чем в армии, а иерархической стройности позавидовала бы «Табель о рангах».

«Князь-папа» избирался на свою шутовскую должность посредством сложной процедуры и должен был исполнять предписания подробного ритуала. Каждый участник имел определенное звание: дьякон, архидьякон, архиерей, митрополит и т. п. Был определен и штат обслуги: «дураки», «плешивцы», «грозные зайки». Существовал список кошуновственных обрядов, скрупулезно расписывались наряды, даже матерные прозвища соборян закреплялись за ними на манер титулов. Иными словами, царь установил

казенный порядок на территории чистого Хаоса, где культивировались буйство, пьянство и безобразие.

По психологическому типу Петр безусловно был «маньяком контролирования». Вероятно, «жажда контроля» – вообще код для понимания механизма петровских поступков и реакций. Этот человек, кажется, чувствовал себя уверенно и безопасно, только когда он контролировал всё и всех. Если же видел, что контроль утрачен, – впадал в судорожную ярость. Многие мемуаристы пишут, что Петр мог простить оплошность и неудачу, но не обман. Еще болезненнее он воспринимал измену или попытку бунта – именно в таких ситуациях царь становился безжалостен, чудовищно жесток. И обман, и предательство, тем более бунт – это выход из-под контроля.

Не так легко понять и еще одно противоречие, которое ставило в тупик современников. Осознание собственного величия и невероятное высокомерие, при котором царь ни за кем кроме самого себя не признавал права на личное достоинство, сочетались в нем с полным отсутствием спесивости и демократической простотой в общении. «Он удивительно умел совмещать в себе величие самое высокое, самое гордое, самое утонченное, самое выдержанное – и в то же время нимало не стеснительное», – отмечает Сен-Симон.

В отличие от всех прежних московских государей, недоступность которых сакрально оберегалась, Петр был готов общаться со всяким человеком, кто казался ему полезен или вызывал любопытство. В застольях он садился не на почетное место, а где придется, не делал различий между аристократами и простолюдинами, охотно затевал беседу с ремесленниками, случайными иностранцами, рабочими. Петровская «демократичность» проявлялась и в том, что знаменитая царская дубинка с одинаковой легкостью обрушивалась на спины солдат и генералов, слуг и князей.

Можно предположить, что для самого Петра никакого противоречия между величием и доступностью не было. Он был такого высокого мнения о своем положении, что с этой поднебесной высоты все подданные – хоть вельможа, хоть последний оборванец – казались ему холопами. Как выразился С. Платонов: «В его государстве не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных групп, и все были уравнены в одинаковом равенстве бесправия».

Еще один давний предмет споров – вопрос о петровской храбрости. Несколько раз в драматические моменты царь проявлял постыдную трусость – или вел себя так, что были основания его в этом обвинять.

Вспомним, как ночью 8 августа 1689 года он панически, полураздетый, от одного только слуха о стрелецкой угрозе бежал из Преображенского, бросив мать и беременную жену.

Точно так же накануне Нарвского поражения в ноябре 1700 года Петр бросит свою обреченную армию, да и позднее в Белоруссии будет дважды, имея превосходящие силы, поспешно отступать перед небольшой армией Карла, которого он очень боялся (впрочем, небезосновательно).

Сходная история случится на последнем этапе Северной войны, в 1716 году, когда Петр в последний момент отменит десант на шведскую территорию, чем сильно испортит отношения с союзниками.

Вместе с тем царю случалось проявлять нешуточную, даже излишнюю отвагу. По меньшей мере дважды он без трепета подставлял себя под пули: во время захвата двух шведских кораблей в мае 1703 года на Неве (это была первая, пусть скромная победа русских на воде) и в Полтавском сражении, где вражеские пули продырявили царю шляпу и седло.

Петр в Полтавском сражении. Кадр из фильма «Петр Первый». 1938 г.

Храбро он себя вел не только на поле брани, где решалось многое, но и в совершенно необязательных ситуациях. Собственно, одной из причин преждевременной смерти царя стала жестокая простуда, полученная поздней осенью 1724 года, когда Петр во время бури бросился в ледяную воду спасать гибнущее судно (если это, конечно, не красивая легенда).

Мало-мальски правдоподобный ответ на эту загадку душевного устройства государя может дать разве что невропатология: панические атаки – один из симптомов предположительного петровского диагноза.

Следующий поведенческий диссонанс, заставлявший очевидцев, в зависимости от ситуации, которую они наблюдали, давать русскому царю диаметрально противоположные оценки, – странное сочетание бесцеремонности и стеснительности.

Сохранилось немало свидетельств того, как болезненно застенчив бывал русский царь во вроде бы не слишком напряженных обстоятельствах: за столом, где его любезно принимали в качестве почетного гостя, или просто на людях.

В сентябре 1697 года в Гааге, во время приема великого посольства Петру, находившемуся в зале неофициально, инкогнито, всего лишь понадобилось пройти мимо депутатов. Сначала царь потребовал, чтобы все отвернулись, а когда голландцы не стали этого делать, он перевернул парик задом наперед, прикрывшись, и пронесся к двери бегом.

Примерно так же он повел себя полгода спустя в Дрездене, выходя на площади из кареты: спрятал лицо под шапкой.

Подобное поведение, видимо, следует объяснять все той же психологической проблемой контроля. Попав в Европу, Петр впервые оказался среди людей, которые были ему неподвластны, а стало быть, неподконтрольны, непредсказуемы. Отсюда и крайняя неуверенность,

дезориентация, усиленная отсутствием правильного воспитания – неумением себя вести. Во время первого заграничного путешествия русский царь воспринимался европейцами как властитель далекой варварской страны, как экзотический дикарь – Петр это чувствовал, что усиливало его растерянность.

Позднее, после Полтавы, отношение к российскому монарху переменилось. Его всюду принимали как очень важную персону, всячески с ним носились, угождали ему – и Петр стал ощущать себя иначе. Он не слишком обтесался, оставался таким же бесцеремонным, но от застенчивости не осталось и следа. Петр снова контролировал ситуацию. С европейцами он теперь обращался почти так же, как с собственными подданными, разве что не бил палкой.

Сен-Симон рассказывает, что москвит за просто «брал первую попавшуюся карету, чья бы она ни была... садился в нее и приказывал везти себя куда-нибудь в город или за город. Такое приключение случилось с госпожой Матиньон, которая выехала для прогулки: царь взял ее карету, поехал в ней в Булонь и в другия загородныя места; а госпожа Матиньон, к удивлению своему, осталась без экипажа».

В 1716 году в Данциге, слушая церковную проповедь, Петр замерз и ничтоже сумняшеся, без единого слова, сдернул с бургомистра парик, нахлобучил себе на голову, а потом молча сунул обратно. Точно так же он поступил бы у себя дома.

Очень трудно примирить петровскую любовь к святотатствам с его же религиозностью, а Петр, кажется, был человеком искренней веры: он хорошо знал службу, много и истово молился, любил церковное пение, сам пел на клиросе – и в то же время, кажется, получал особое удовольствие от кошунств – вроде тех, что приведены выше, в цитате из Льва Толстого. Вся эпопея с Всешутейшим Собором выглядит какой-то оргией богохульства и издевательством над авторитетом христианской церкви.

Историки пытались объяснить это борьбой с суевериями, раздражением против чрезмерного влияния патриархата и даже просто злостью на духовенство – «досадой на класс, среди которого видели много досадных людей» (Ключевский), однако некоторые обряды Собора глумились именно над церковными таинствами: венчанием, крещением, соборованием, отпеванием, рукоположением в священство. В формуле осенения благодатью «Святой Дух» заменяли «Бахусом», шутовски искажали «Символ Веры», непристойно переиначивали слова Писания и так далее. Любого другого человека, который позволил бы себе подобные вещи, в те времена сожгли бы на костре.

Как всё это совмещалось и соседствовало в сознании Петра с набожностью? Должно быть, грубая, темпераментная натура требовала таких же грубых, буйных развлечений. Уж отдыхать так отдыхать: с шумом, треском, грохотом, обильными возлияниями, непристойностями, а самой радикальной из непристойностей являлось нарушение священных табу. Глубинного, идеологического содержания искать здесь не следует.

Тема петровской идеологии вообще мало разработана. Сам он никогда ее не формулировал, поскольку не любил теоретизировать. Петр хватался то за одну, то за другую идею, нагромождал планы друг на друга, от каких-то из них потом отказывался, какие-то лихорадочно корректировал, росчерком пера менял жизнь целых сословий, бестрепетно губил гигантоманскими, подчас нелепыми проектами десятки тысяч людей; подданные часто не понимали, чего царь добивается и зачем их терзает, однако за всей этой многосторонней, хаотической деятельностью просматривается некая система взглядов, твердое представление о правильном и неправильном.

Попробуем реконструировать мировоззрение реформатора – это поможет нам лучше разобраться в сути его преобразований.

Стержень и главная цель всех петровских начинаний – максимальное укрепление государства, сильно расшатавшегося на протяжении семнадцатого века. Петр считал Служение Государству высшей ценностью – если угодно, национальной идеей. Ради этого он не жалел ни самого себя, ни тем более подданных.

В условиях восемнадцатого столетия государство могло быть сильным, лишь обладая мощной армией и флотом, развитой промышленностью, работоспособной бюрократической машиной, эффективной финансовой системой. Это и есть перечень взаимосвязанных практических задач, которые ставил перед страной реформатор.

Для их осуществления можно было задействовать разные опробованные мировой историей механизмы, самым надежным из которых было бы высвобождение созидательной энергии населения, ставка на естественное стремление людей жить лучше – чем зажиточнее народ, тем богаче и казна. Но Петр выбрал другой путь – сделал ставку на предельно жесткое «вертикальное» управление, основанное на беспрекословном исполнении приказов и страхе наказания.

Подобный метод функционирования требовал возврата к тотальному самодержавию времен Ивана Грозного – что вполне отвечало и складу петровской природы с ее obsessionally лично контролировать всё и вся. «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог повелевает», – говорится в одном из указов Петра, а в воинском уставе заявлено еще более решительно: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Казалось бы, армейский устав – не вполне логичное место для подобных деклараций, но Петр явно считал иначе. С его точки зрения, правильно устроенная страна должна была жить по единому, тщательно прописанному уставу – как вымуштрованная армия: маршировать в ногу, по команде делать поворот «кругом», во всем следовать единообразию.

По складу характера Петру не могла не импонировать концепция «регулярного» государства, выдвигавшаяся тогда целым рядом европейских политических философов. Эта система взглядов считала возможным создание идеального социального порядка за счет максимальной рационализации и регламентации управления: мудрый монарх издает ясные установления, послушный народ исправно им следует. Не слишком уповая на сознательность подданных, царь больше полагался на острастку и принуждение.

Служение государству освящалось некоей высшей целью, которую Петр называл «пользой и общим прибытком», то есть у него существовала и концепция всеобщего блага. «Наше единое намерение есть о их [подданных] благосостоянии и приращении пещися», – декларировал преобразователь, однако его представления о народном благосостоянии, кажется, были довольно туманны. Как пишет один из самых обстоятельных петровских биографов Николай Павленко: «Дать четкий ответ на поставленный вопрос не представляется возможным прежде всего потому, что этой четкости, видимо, не было и у самого царя, по крайней мере, мы ее не обнаруживаем в изданных им законах». В идеальном государстве, по Петру (как, впрочем, и по закону Чингис-хана), каждый житель добросовестно и усердно выполняет свои обязанности: крестьяне – пахут, платят подати и несут рекрутскую повинность, рабочие работают в поте лица, дворяне безропотно служат до старости, купцы честно торгуют и охотно делятся с государством барышами, женщины слушаются мужей и рожают много детей, дети учатся быть исправными подданными.

Для такого государства было нужно чрезвычайно дисциплинированное и в то же время не склонное к умничанью население. В идеальном мире Петра монарх – это Отец, а подданные – почтительные и послушные дети. Не случайно в миг наивысшего торжества, после победы над

шведами, Петр примет в первую очередь звание «отца отечества» и лишь после этого императора всероссийского.

В записках Нартова есть эпизод, дающий представление о петровских взглядах на правильные взаимоотношения государя с народом посредством несколько иной аллегии. «Государь, возвратясь из сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: “Когда б послушны были в добре так упрямыцы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побои; знать, в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямяство”».

Точно такой же виделась государю и идеальная семья. Нартов рассказывает, как камердинер Полубояров пожаловался царю на жену, которая уклоняется от исполнения супружеских обязанностей, все время ссылаясь на зубную боль. «В один день, зашедши государь к Полубояровой, когда муж ее был в дворце, спросил ее: “Я слышал, болит у тебя зуб?” – “Нет, государь, – доносила камердинерша с трепетом, – я здорова”. – “Я вижу, ты трусишь”. От страха не могла она более отрицаться, повиновалась. Он выдернул ей зуб здоровый, а после сказал: “Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, иначе будет без зубов”».

К великой досаде Петра, русские были мало похожи на Лизету, и выдирать им здоровые зубы во имя послушания приходилось часто. Одна из самых неприятных черт петровского мировосприятия – отношение к собственному народу. Про Петра можно сказать, что он был рософилом, то есть патриотом страны России, но при этом отъявленным русофобом. Он говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей». Костомаров пишет: «Задавшись отвлеченною идеею государства и принося ей в жертву временное благосостояние народа, Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства».

При своей нетерпеливости, при незыблемой вере в силу принуждения Петр желал перекроить народ на «правильный лад» немедленно, сию же минуту. Достичь этого, по убеждению государя, можно было, заставив людей строить всю свою жизнь по указке начальства, по установленным властью детальнейшим правилам. «Наш народ – яко дети, неучения ради которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают», – писал царь. В 1722 году он издал указ, строго-настрого постановивший, чтобы «никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов». Государю казалось, что достаточно издать правильный приказ – и люди переменятся.

Всю жизнь Петр сталкивался с одной и той же проблемой, приводившей его в гнев и тягостное недоумение: он всячески призывал своих генералов и администраторов, офицеров, чиновников проявлять инициативу, служить делу не за страх, а за совесть – и неизменно сталкивался с пассивностью, непониманием царской воли, нерешительностью, да и просто отлыниванием от дела.

Иначе не могло и быть. Беспрекословное, нерассуждающее повиновение, которого Петр добивался от подчиненных, и инициативная работа во имя общей цели – вещи совершенно несовместные. Оглядка на начальство, приоритет не пользы дела, а одобрения со стороны высших лиц станут вечной проблемой российского государственного аппарата и очень сузят область его компетентности. Брауншвейгский посланник Фридрих Вебер, оставивший ценные

записки о Петре, сформулировал это следующим образом: «Там, где у русских господствует страх и слепое повиновение, а не рассудок, там они будут впереди других народов, и если царь продержит еще скипетр свой только двадцать лет, то он уведет страну свою, именно вследствие сказанного повиновения, так далеко, как ни один другой монарх в своем государстве».

Так оно потом и будет, в постпетровской России: с проблемами, которые решаются мобилизационным методом, страна справлялась гораздо лучше, чем с теми, где на одном страхе и повиновении далеко не уедешь.

Лица у мужчин должны быть одинаково безбородыми. *И. Сакуров*

Частная жизнь

Институт самодержавия устроен таким образом, что личная, интимная, а тем более семейная жизнь монарха влияют, причем весьма существенно, на политику. Не был здесь исключением и Петр, при том что государственный интерес всегда был для него неизмеримо важнее частного. Словно в отместку за это судьба подвергала царя – как мужа и в особенности как отца – тяжелым испытаниям.

Пытаясь составить портрет реформатора, я не коснулся темы, которая очень важна для оценки обычного человека: способности любить. Дело в том, что Петр не принадлежал к числу правителей, любовные увлечения которых сказываются на государственных делах. Он отнюдь не был эмоционально холоден, однако умел проводить границу между личным и государственным, а когда объединил одно с другим (в случае с Екатериной), то сделал это, как мы увидим, не от страсти, а по соображениям вполне рациональным.

Петр «на троне вечный был работник», но отнюдь не монах. Адмирал Франц Вильбуа, много лет состоявший при царе, говорит в своих записках: «Он был трудолюбив, но вместе с тем являлся настоящим чудовищем сладострастия. Он был подвержен, если можно так выразиться, приступам любовной ярости, во время которых он не разбирает пола», – стало быть, петровская судорожная порывистость распространялась и на эту сторону жизни. О том же пишет автор первой русской попытки осмысления исторической роли Петра князь Щербатов: «Крепость телесная и горячая кровь чинила его любострастна...» [делали его чувственным]. Впрочем далее сказано: «Он довольствовал свою плоть, но никогда душа его побеждена не была».

Токарь Нартов с удовольствием пересказывает примеры того, как Петр сохранял в своих амурных приключениях трезвую голову.

В саардамском винном погребе, куда Петр ходил во время учебы на верфи, была красивая служанка, «а как государь был охотник до женщин, то и была она предметом его забавы». «Забавы» имела вид вполне прозаический: царь «во все пребывание свое в Саардаме, когда надобно было, имел ее в своей квартире и при отъезде на приданое пожаловал ей триста талеров» – для царственной особы очень экономно. Петр всегда был скуп на личные расходы.

Позднее, в Лондоне, он связался с «одною комедианткою по прозванию Кросс», расценки которой были существенно выше. Ей пришлось дать 500 гиней, да она еще и осталась недовольна, просила надбавки. «За пятьсот гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила своим передом», – отрезал Петр.

Нартов пишет, что государь «никогда... сердца своего никакой женщине в оковы не предавал, для того чтоб чрез то не повредить успехам, которых монарх ожидал от упражнений, в пользу отечества своего восприятых. Любовь его не была нежная и сильная страсть, но единственное только побуждение природы».

Петра женили в январе 1689 года шестнадцатилетним, ненадолго оторвав от игр с «потешными». Сделано это было из соображений сугубо политических. Во-первых, сочетавшись браком, Петр считался бы совершеннолетним, что повышало его статус. А кроме того, «старший царь» Иван Алексеевич был уже женат и его супруга ходила беременной. «Преображенская» партия очень боялась, что, если родится мальчик, правительница Софья захочет провозгласить его государем и потом спокойно регентствовать. Нужно было поскорее обзавестись собственным, «нарышкинским» наследником. Поэтому невесту подобрали главным образом по физическим данным – чтоб была крепка и способна к деторождению. Взяли девицу уже

созревшую, тремя годами старше жениха. (Надо сказать, что в этом смысле Евдокия Лопухина не подвела – через год родила здорового мальчика, но к тому времени Нарышкины уже победили и соревнование с женой царя Ивана, с первой попытки родившей девочку, утратило прежнюю актуальность).

Род Лопухиных, к которому принадлежала избранница царицы Натальи Кирилловны, был не особенно знатен, но московские цари семнадцатого века и не стремились родниться с высшей аристократией – чтоб какое-нибудь и без того сильное семейство не возвысилось сверх меры. Невесте, которую с рождения звали Прасковьей Илларионовной, поменяли и имя, и отчество – она стала Евдокией Федоровной (Евдокией – в память о жене царя Михаила, Федоровной – в честь «Федоровской иконы», которой первого Романова благословили на царство). Девушка была «лицом изрядная, токмо ума посредняго». Петр никогда ее не любил. Евдокия, воспитанная по-старинному, совершенно не разделяла увлечений непоседливого супруга, без конца жаловалась на его вечные отлучки и быстро ему надоела. К тому же она оказалась с характером – начала враждовать со свекровью. «Помянутая царица Наталья Кирилловна возненавидела царицу Евдокею и паче к тому разлучению сына своего побуждала, нежели унимала», – рассказывает бесценный хроникер эпохи Борис Куракин (ему же принадлежит ремарка касательно «посредняго ума»).

После того как у Петра появилась постоянная фаворитка, он перестал вовсе интересоваться женой и еще в 1697 году, отправляясь в длительное заграничное путешествие, поручил тем самым людям, кто в свое время устраивал брак – Льву Нарышкину и Тихону Стрешневу, – уговорить Евдокию постричься в монахини. Царю ответили, что супруга «упрямитца». Не подействовали даже угрозы страшного князь-кесаря Ромодановского.

Евдокия Лопухина. *Неизвестный художник. XVII в.*

По возвращении Петр виделся с женой всего единожды. Встреча продолжалась целых четыре часа. Должно быть, царь пытался сам убедить Евдокию смириться с неизбежным. Но женщина отказалась, и тогда ее сослали в суздальский монастырь, где она противилась пострижению еще много месяцев. В конце концов ее сделали монахиней насильно.

На этом заканчивается история первого петровского брака, но не заканчиваются злоключения инокини Елены (так, уже третьим по счету именем, теперь звалась бывшая царица). На двадцать лет о ней забыли. Она

жила в обители хоть и не на свободе, но вполне безбедно, даже обзавелась любовником. Но в 1718 году, во время большого скандала с бегством царевича Алексея, Петр заподозрил Евдокию в сговоре с сыном и затеял расследование. Никаких политических интриг не обнаружилось – лишь факт «блудного сожительства», однако царь обошелся с несчастной женщиной жестоко: заточил в далекий Ладожский монастырь, а ее возлюбленного капитана Степана Глебова подверг истязаниям и казнил мучительной смертью – посадил на кол. На свободу Елена-Евдокия вышла лишь после смерти Петра и его второй жены, в 1728 году, и умерла, окруженная почетом. Рассказывают, что ее последние слова были: «Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного». Если это не легенда, значит, к концу жизни Лопухина все же поумнела.

Та, ради которой Петр столь быстро охладел к законной супруге, умом тоже не отличалась. Зато она обладала очень важным достоинством – была существом из иного мира, который казался юному царю таким привлекательным.

Анна, ровесница Петра, была дочерью жителя Немецкой слободы Иоганна Монса, владевшего мельницей и аустерией. Известно, что царь познакомился с этой девицей через своего приятеля и собутыльника Франца Лефорта – вероятно, осенью 1691 года. «Анна Ивановна Монс, – повествует Нартов, – была дочь лифляндскаго [на самом деле вестфальского] купца, торговавшего винами, чрезвычайная красавица, приятнаго вида, ласковаго обхождения, одна-кож посредственной остроты и разума». Дело несомненно было именно в «обхождении» – веселость, бойкость и учтивость немки совершенно покорили неотесанного юношу, никогда прежде не видевшего подобных женщин.

Предположительный портрет Анны Монс. *Неизвестный художник. XVII в.*

Связь получилась долгой, десятилетней, причем со стороны Петра, кажется, было и сильное чувство. «Анна Ивановна» разбогатела, построила себе в слободе роскошный дом, ее называли «Кукуйской царицей». Москвичи, разумеется, басурманку ненавидели, иностранцы искали у нее протекции, но влияния на государственные дела фаворитка не имела – во-первых, Петр этого не поощрял, а во-вторых, она и не пыталась играть какую-то политическую роль. Эта женщина любила деньги, но не власть и высоко не метила. Да и царственный любовник, кажется, ей был не мил. Впоследствии Петр говорил, что подумывал жениться и сделать немку царицей, однако Анна то ли по глупости, то ли по безрассудной смелости завела тайный роман с саксонским посланником Кенигсеком. Дело раскрылось случайно: весной 1703 года саксонец утонул в Неве, и в его бумагах была обнаружена любовная переписка. С этого времени Петр связь разрывает и Анна Монс перестает играть какую-либо роль при дворе.

Удивительно, что царь с его бешеным нравом и болезненным отношением к измене не предал неверную любовницу казни. Более того – когда несколько лет спустя опальная фаворитка имела дерзость ходатайствовать о замужестве с другим посланником, прусским, Петр хоть и разгневался, но опять как-то умеренно: лишь на время посадил Анну под арест, а потом дал согласие. Нартов пишет, что государь проявил такое великодушие, «чтоб она... со временем почувствовала угрызение совести, колико она против него была неблагодарна». Вскоре (в 1714 году) несостоявшаяся царица умерла. По уверениям Нартова, она, «опомнясь о нецененной потере, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно» так сильно, что довела себя до чахотки.

Мягкость, проявленная Петром по отношению к неверной фаворитке, вероятно, объяснялась тем, что в 1703 году у царя появилась новая пассия.

Петр опять полюбил не соотечественницу, а иностранку. История ее жизни напоминает волшебную сказку.

Марта Скавронская родилась на самом низу тогдашней социальной лестницы – в семье не просто крепостного крестьянина, а крестьянина-беженца, вынужденного бежать из родной Литвы в Ливонию. Ее родным языком был польский. В трехлетнем возрасте девочка потеряла родителей и оказалась в рижском сиротском приюте. (Так повествует о ранних годах будущей императрицы Франц Вильбуа, оставивший очень подробный рассказ о взлете Екатерины, но существуют и иные версии ее происхождения, расходящиеся между собой. Источники сходятся только в одном: происхождение это было очень скромным.)

Каким-то образом Марта попала служанкой в дом известного ливонского просветителя, лютеранского пастора Иоганна Глюка, переводчика библии на латышский язык, а в дальнейшем основателя первой российской гимназии. Однако просвещать сироту пастор и не думал – она так и останется неграмотной.

В 1702 году Глюк служил священником в Мариенбурге (современный латвийский Алуксне), когда город был взят русскими войсками. Восемнадцатилетняя (по другим сведениям, шестнадцатилетняя) Марта только что вышла замуж за шведского солдата-кавалериста Иоганна Раабе (по другим сведениям, Крузе), но его часть накануне покинула крепость.

Впоследствии, годы спустя, ко всеобщему неудовольствию выяснится, что муж ее царского величества жив-здоров и даже находится в России – кавалерист попал в плен под Полтавой. Вообще-то это означало, что царский брак недействителен, но Петра подобные мелочи смутить не могли. По словам Вильбуа, бедного Раабе-Крузе отправили «в самое отдаленное место Сибири», где через несколько лет законный супруг царицы и умер.

После падения Мариенбурга Марту ждала обычная участь молодых пленниц – она стала добычей победителей. Согласно распространенной и вполне правдоподобной версии, хорошенькая ливонка попала на глаза самому главнокомандующему Борису Шереметеву, который отобрал ее у солдат для собственных нужд. Несколько месяцев спустя нашелся новый ценитель красоты – у пожилого фельдмаршала Марту отнял царский фаворит Александр Меншиков. Вильбуа пишет: «С этим последним ей было приятнее, чем с первым. Меншиков был моложе и не такой серьезный». Еще некоторое время спустя красавица приглянулась часто бывавшему у Меншикова царю. Это само по себе пока еще мало что значило – мы знаем, как относился царь к мимолетным связям. После первой ночи он отдался рублем и уехал, однако через некоторое время истребовал наложницу у Меншикова уже для «постоянного пользования».

Петр забирает у Меншикова Марту Скавронскую. Лубок. XIX в.

Эти мелкие детали исторически существенны. Во-первых, из-за того, что давняя симпатия царицы к Меншикову сыграет очень важную роль в борьбе за власть после смерти Петра. А во-вторых, неприглядный старт отношений между Петром и его будущей женой дает нам ключ к пониманию главного свойства Марты Скавронской: эта необразованная, совсем простая женщина обладала быстрым умом, удивительной цепкостью и природным психологическим даром. Она сумела понять то, чего, вероятно, не сознавал и сам Петр: какими качествами должна обладать его идеальная спутница.

Дальнейшее восхождение Екатерины Алексеевны Веселовской (так Марту стали звать после перехода в православие) было небыстрым, но верным.

Несколько лет она довольствовалась ролью постоянной любовницы, ведущей себя очень скромно и никого не раздражающей. Петр бывал у нее все чаще и чаще – в обществе этой женщины ему было спокойно и легко. В 1708 году он ценит «Катерину Веселовскую» еще не очень дорого – завещает ей три тысячи рублей, «ежели что мне случится волею Божиею».

Затем выясняется, что Екатерина годна не только для любовных утех и отдыха, а может давать ценные советы, в том числе по вопросам государственным. «Он назначал аудиенции своим министрам и обсуждал с ними в присутствии Екатерины самые важные и самые секретные дела, – рассказывает Вильбуа. – Но вот во что трудно поверить: этот государь, отношение которого к женщинам было хорошо известно... не только признал эту женщину способной участвовать в качестве третьего лица в беседах с его министрами, но даже хотел, чтобы она высказывала при этом свое мнение, которое часто оказывалось решающим или компромиссным между мнением царя и мнением тех, с кем он работал». Екатерина обладала врожденным тактом, очень хорошо чувствовала, когда ей нужно промолчать и когда можно говорить – и если уж говорила, то дельно и к месту.

Петр не выносил малейшей непокорности – его спутница была всегда покладиста, весела, неконфликтна. И нисколько не ревнива. Даже начав вести семейную жизнь, царь продолжал заводить «метресок». Екатерина относилась к этим интрижкам с добродушным юмором. Петру незачем было что-то от нее скрывать – он всегда мог рассчитывать на ее понимание и поддержку.

Уже говорилось, что Екатерина умела купировать приступы петровских судорог – ее голос и прикосновения оказывали на больного благотворное психотерапевтическое воздействие.

Огромное значение имело и то, что Екатерина легко и много рожала. Этим она выгодно отличалась от первой фаворитки Анны Монс, не принесшей Петру потомства. Государь все хуже относился к Алексею, сыну от Лопухиной, все чаще задумывался о другом наследнике, и плодовитость Екатерины позволяла надеяться, что проблемы с продолжением династии не возникнет.

Может быть, самым ценным достоинством Екатерины была ее готовность сопровождать царя в его бесконечных поездках. Она всегда находилась рядом – или приезжала по первому зову. Притом никогда не роптала и не жаловалась на тяготы. По выражению С. Соловьева, Екатерина была «походной, офицерской женой» – то есть именно такой подругой, в которой нуждался Петр.

Главный поворот в судьбе Екатерины свершился именно в походе: в 1711 году она была с Петром во время несчастной турецкой кампании и проявила себя так блестяще (об этом – в свое время), что царь в благодарность учредил орден Святой Екатерины, а в феврале 1712 года венчался с «сердешеньким другом Катеринушкой».

Новой высоты Екатерина Алексеевна достигла в мае 1724 года, когда Петр устроил для жены особую церемонию коронации. Год спустя титул коронованной императрицы станет формальным основанием того, что Екатерина Первая окажется самодержицей всероссийской.

Многие находили петровскую избранницу вульгарной, невоспитанной да и не очень-то красивой. Дочь прусского короля Вильгельмина, девочкой видевшая Екатерину, оставила весьма нелестное описание русской царицы: «Она была мала ростом, толста и черна; вся ея внешность не производила выгодного впечатления. Стоило на нее взглянуть, чтобы тотчас заметить, что она была низкого происхождения. Платье, которое было на ней, по всей вероятности, было куплено в лавке на рынке; оно было старомодного фасона и все обшито серебром и блестками. По ее наряду можно было принять ее за немецкую странствующую артистку... На царице было навешано около дюжины орденов и столько же образков и амулетов, и когда она шла, все звенело, словно прошел наряженный мул».

Но для Петра не имело важности, что думают о его браке окружающие. Он с Екатериной был счастлив.

Однако в последние месяцы жизни Петра эта многолетняя идиллия была разрушена. Екатерина приблизила к себе – неординарный поступок – брата прежней фаворитки Анны Монс, к тому времени уже умершей. Кто-то из недоброжелателей царицы донес, что она находится в связи с камергером Виллемом Монсом. Расчет, вероятно, строился на том, что царь вспомнит об измене другой представительницы этой фамилии. Сомнительно, что Екатерина с ее умом и осторожностью пошла бы на такое безрассудство, но царь поверил в неверность жены и пришел в ярость. Монса арестовали по обвинению в воровстве и каком-то мелком взяточничестве, после чего сразу же казнили. Петр повез жену к эшафоту и показал голову ее предполагаемого любовника, торчавшую на колу. Екатерина бесстрастно заметила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности», но отношения между супругами разлади-

лись. Вплоть до самых последних дней смертельной болезни царь жену к себе не подпускал. Неизвестно, какая участь ожидала бы Екатерину, проживи Петр дольше.

Если супружеская и любовная жизнь царя была драматичной, то его родительская судьба состояла из сплошной череды трагедий. Первая жена родила ему двоих (по некоторым источникам, троих) мальчиков, вторая не то двоих, не то (опять-таки по неподтвержденным сведениям) четверых, но ни один из сыновей не пережил отца. Из шести дочерей четыре умерли в детском возрасте. В эпоху, когда детская смертность была очень высокой, горюющие родители обычно утешались неисповедимостью Божьего промысла, но главное потрясение – утрата первенца – было делом рук самого Петра.

Царевич Алексей появился на свет в 1690 году. Его ранние годы пришлись на эпоху, когда Петру было совершенно не до воспитания наследника, и мальчик находился на попечении матери, Евдокии Лопухиной, брошенной жены. Ей и ее окружению любить царя было не за что. Все надежды на лучшее будущее связывались у них со временем, когда Петра не станет и на престол взойдет Алексей Петрович.

В восемь лет царевич лишился матери, сосланной в монастырь, и остался наедине с грозным отцом, но и теперь Петр почти не виделся с сыном, всегда занятый если не большими делами, то своими сумасбродными забавами. Правда, он распорядился дать Алексею европейское образование. Мальчика научили французскому и немецкому, основам математики, географии и истории. Иногда, как бы спохватываясь, царь брал сына на войну, пытался приобщить его к армейским и государственным заботам, но делал это со своей обычной гневливой нетерпеливостью, вызывавшей у робкого, скрытного подростка лишь парализующий ужас.

«Как грустно!» Рисунок И. Сакурова

Впоследствии, письменно отвечая на письменный же вопрос отца: «Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно?», Алексей объяснил это так: «Моего к отцу моему непослушания и что не хотел того делать, что ему угодно, хотя

и ведал, что того в людях не водится и что то грех и стыд, причина та, что со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав, и больше научился ханжить, к чему я и от природы склонен». Но главной причиной, по-видимому, было то, что сильный, деспотический характер Петра подавлял в мальчике всякую волю. Страх – вот единственное чувство, которое Алексей испытывал по отношению к родителю.

Приведу эпизод, демонстрирующий всю силу этого безумного страха.

Вернувшись из Дрездена после курса инженерного обучения, Алексей должен был пройти экзамен у отца. Петр велел показать чертежи, исполненные сыном. Чертежи были, но, по-видимому, Алексей рисовал их не сам. Выйдя из комнаты, он вдруг испугался: что если государь велит сделать новый чертеж прямо сейчас? Спасение только одно – повредить себе руку. Потеряв от ужаса голову, царевич схватил пистолет и попытался прострелить себе ладонь...

Как свойственно слабым натурам, Алексей Петрович находил утешение в пьянстве, а спяну нес лишнее в своем ближнем кругу. Серьезных людей там не было, все такие же болтуны, которые, разумеется, мечтали о том, как царевич станет самодержцем. Дальше разговоров дело не шло.

Наконец, близ Алексея появился человек более или менее решительный, хоть тоже неумный – некто Александр Кикин, бывший соратник Петра, попавший в опалу за непомерное взыточничество. Кикин подал молодому человеку новую идею: бежать за границу и там, в покое и безопасности, дожидаться отцовской смерти, когда корона сама упадет в руки.

В 1711 году царь женил сына на немецкой принцессе Софии-Шарлотте. В 1715 году у молодой четы появился сын Петр (будущий Петр II), но роды были тяжелыми, и женщина умерла. Однако ее родная сестра была замужем за австрийским императором, и Алексей мог надеяться, что его как близкого свойственника приютят при венском дворе.

Положение царевича делалось все более тяжелым. Отец был в нем разочарован, грозил лишить наследства «яко уд гангранный». Писал: «За мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный». Алексей отвечал, что он и не хочет царствовать, просил отпустить его в монастырь, ибо он из-за слабого здоровья «непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я».

Петр, находившийся в то время в западной Европе, потребовал сына к себе для окончательного разговора. Этим вызовом Алексей и воспользовался для осуществления кикинского плана: из России выехал, но не к отцу, а к шурина, австрийскому императору Карлу VI. Это произошло осенью 1716 года.

Не буду сейчас останавливаться на описании сложной политической ситуации, в которой произошел этот международный скандал, – об этом будет подробно рассказано в свое время, но бегство наследника, конечно, стало для отца очень тяжелым ударом. Он, так болезненно переживавший всякую неверность, был предан и опозорен собственным сыном на глазах у всей Европы!

Насчет того, что ему будут рады в Австрии, неопытный в европейской дипломатии царевич заблуждался. Император не захотел ссориться с могущественным русским царем и помог его эмиссарам выманить эмигранта обратно в Россию. Алексей не соглашался ехать, боялся наказания, но австрийцы пригрозили разлучить его с любовницей Евфросиньей, к которой молодой человек был очень привязан. Это решило дело.

На родину беглец поехал, получив от отцовских посланцев, Петра Толстого и капитана Румянцева, заверения, что ему ничто не грозит – кроме лишения прав на престол, которого Алексей и сам не желал. В сохранившемся письме Евфросинье он мечтает, что его «от всего уволят» и что «нам жить с тобою, будет бог изволит, в деревне и ни до чего нам дела не будет».

Очень возможно, что в первоначальные намерения Петра действительно входило лишь отречение сына от престолонаследия. Алексея заставили подписать акт отречения от прав, после чего был обнародован соответствующий манифест.

Но затем повторилось то же, что было двадцатью годами ранее, после стрелецкого мятежа, когда болезненная подозрительность заставила Петра устроить повторное расследование. Там, где не было ничего кроме инфантильности, безответственности и пустых разговоров, царю мерещился некий огромный заговор, объединивший всех его врагов. Начались аресты знакомцев Алексея, а заодно под следствие попала и его монахиня-мать (это, как уже было сказано, закончилось для нее личным горем).

Взялись и за самого царевича. Его не только допрашивали, но подвергали пыткам – небывалое дело в истории российской монархии. Разумеется, истязали и остальных. Люди это были слабые, не храброго десятка, готовые признаться в чем угодно, только бы не висеть на дыбе. Чтоб избежать мук, каялся в том, что было и чего не было, сам Алексей. Однако никакого злодейства кроме досужей болтовни и составления планов эмиграции так и не выявилось. Худшую вину возвел на себя сам царевич – сознался, что желал отцу смерти. Тем, вероятно, он себя окончательно и погубил.

Царевич Алексей. *Неизвестный художник. XVIII в.*

Несколько человек, объявленных соучастниками (не очень понятно чего именно), предали казни, но что было делать с родным сыном государя?

Петр принял совершенно беспрецедентное решение: отдать царевича под суд духовных и светских властей. Преступления, в которых обвиняли Алексея, могли караться только казнью, но церковные иерархи уклонились от вынесения страшного вердикта. Зато сенаторы и министры, угадывая желание государя, 24 июня 1718 года вынесли смертный приговор.

Два дня спустя при так и не установленных обстоятельствах Алексей скончался в камере Петропавловской крепости. Может быть, его финал и не был насильственным, но очень уж быстро и удобно нашелся выход из неразрешимой ситуации: проливать на эшафоте царскую кровь было нельзя; заменить смерть на тюремное заключение тоже опасно. Из тюрьмы ведь

можно и выйти, и неизвестно, какие силы сделают ставку на осужденного царевича, если его отец вдруг умрет.

Скорее всего правы те историки, кто полагает, что Алексея умертвили. Но если он умер и сам по себе, вследствие перенесенных пыток, все равно виноват в этом Петр, второй сын-убийца среди русских царей после Ивана Грозного (но тот хоть пролил кровь наследника сгоряча и, в общем, ненамеренно).

В момент смерти царевича, в 1718 году, Петру казалось, что судьба династии надежно защищена: у Екатерины, к тому времени уже законной царицы, рос мальчик Петр-младший. Но в следующем году малыш, не отличавшийся крепким здоровьем, скончался. У царя произошел тяжелый припадок его всегдашней болезни, он три дня ничего не ел и не показывался на людях.

Потом Екатерина произвела на свет еще одну, последнюю дочь (она умрет ребенком), и через некоторое время стало ясно, что детей у августейшей четы больше не будет.

У Петра возникла проблема – кому оставить державу?

Выбор был трудный. Все сыновья умерли. Был внук, но Петр испытывал к нему сложные чувства, поскольку на мальчике лежала тень ошельмованного и замученного отца. Были дочери, но малолетние и к тому же рожденные вне брака – до того, как Екатерина стала законной женой.

Царевен Петр рассматривал главным образом как полезный государственный актив – средство для заключения выгодных союзов. С этого времени возобновляется традиция бракосочетаний с иностранными правящими домами, в свое время прервавшаяся по двум причинам: во-первых, из-за строгого отношения москвитов к иноверию, а во-вторых (и это главное), из-за низкого международного престижа Московского царства. Невесты и женихи из слабого «варварского» государства, имевшие нагрузку в виде своей «схизматической» религии, никому не были нужны.

Теперь всё переменялось. Россия стала важной страной, одной из великих, ну или почти великих держав, и оказалось, что иностранные женихи совершенно не возражают против того, чтобы российские невесты сохраняли приверженность вере предков.

Матримониальный спрос был так велик, что политическую ценность приобрели даже племянницы Петра, тихо жившие в скромном подмосковном дворце Измайлово со своей вдовствующей матерью. Тем больше выгод можно было извлечь из царских дочерей – Анны (р. 1708) и Елизаветы (р. 1709).

Обе они оставят, каждая на свой лад, след в российской истории.

Анна Петровна будет сосватана за голштейн-готторпского герцога, умрет двадцатилетней, но успеет родить сына, будущего Петра III, от которого пойдут все последующие Романовы (полностью династия будет называться «Гольштейн-Готторп-Романовы»).

Елизавете Петровне отец прочил блестящую партию – хотел выдать за французского короля. Из этого проекта ничего не вышло, Елизавета останется незамужней, зато со временем займет российский престол.

В начале 1720-х годов Петр, похоже, колебался – кому передать корону. Умирать император и «отец нации» не собирался, он был еще не стар, но ему хотелось законодательно утвердить за собой право выбора наследника – контролировать даже то, что случится после его смерти.

Так в 1722 году был принят новый закон о престолонаследии, отменявший традиционный принцип старшинства по первородству и утверждавший за государем право назначать преемника собственной волей. Самодержавие стало еще тоталитарнее.

Отмена института «естественного наследника», столь важного для монархии, было довольно рискованным шагом, за который Россия заплатит в восемнадцатом столетии много-

численными переворотами: переход власти к следующему правителю почти всякий раз будет сопровождаться заговорами и потрясениями.

Вероятнее всего Петр провел эту реформу, собираясь завещать власть жене – не случайно вскоре после этого состоялась ее торжественная коронация. Безродная Екатерина не имела бы иного выбора кроме как беречь новый формат государства. Возвращение к старине для нее было бы губительно.

Однако вышеупомянутое «дело Виллема Монса», разразившееся осенью 1724 года (почти наверняка интрига, удачно осуществленная врагами императрицы), заставило царя усомниться в правильности этого решения. Так и вышло, что в конце января 1725 года, когда царь уже находился в агонии, придворные не знали, кому достанется корона: вдове, внуку или кому-то из дочерей.

Теперь, ознакомившись с личностью и частной жизнью человека, возглавившего реформы, перейдем непосредственно к событиям, которые приведут к созданию новой государственной формации. Она окажется довольно прочной и просуществует двести лет, вплоть до 1917 года.

События

Царь, который не хочет царствовать *Сентябрь 1689 – февраль 1694*

Власть, за узурпацию которой Петр так ненавидел сводную сестру Софью, досталась ему не без волнений, но бескровно в начале осени 1689 года. «Младший царь» просто сидел в подмосковном Троицком монастыре и ждал, пока закончится миграция перебежчиков из лагеря Милославских в лагерь Нарышкиных. Милостиво принимал всех прибывающих, ни во что не вмешивался. Когда правительница наконец осталась одна, всеми брошенная и бессильная, Петр написал «старшему царю» брату Ивану письмо (скорее всего просто подписал), в котором была обозначена формула нового политического режима: «А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему ззорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем... Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре». То есть Ивану объявлялось, что он будет фигурой сугубо декоративной и его даже не станут извещать о принимаемых решениях.

12 сентября 1689 года новая власть «учинила по приказам» собственных судей – выражаясь по-современному, сформировала правительство, и Петр сделался не титульным, как в предыдущие семь лет, а настоящим царем. Однако никакого желания править семнадцатилет-

ний государь не проявлял. На несколько лет государство оказалось под властью нарышкинского клана, их родственников и сторонников.

Самой важной особой в новой администрации стал 25-летний Лев Нарышкин, возглавивший Посольский приказ, брат Натальи Кирилловны (генерал Патрик Гордон называет боярина «первым министром»). Родственник царицы Тихон Стрешнев получил Разрядный приказ, ведавший государственными назначениями; Петру Лопухину, дяде молодой царицы Евдокии, досталось управление делами царского двора; возвысился двоюродный брат Натальи Кирилловны окольныйчий, а затем и боярин Иван Головкин – иными словами, это было правительство родственников. Все прочие должностные лица, по выражению Куракина, остались «без всякаго повоире [rouvoir – власти] в консилие или в палате токмо были спектакулеми [зрителями]». Самый толковый деятель из окружения «младшего царя», сыгравший ключевую роль в перевороте, – Борис Голицын был не связан с Нарышкиными ни родством, ни свойством и потому оказался всего лишь главой приказа Казанского дворца (генерал-губернатором Поволжья).

При равнодушном Петре и больном Иване главой государства фактически сделалась бездеятельная царица Наталья, мало во что вмешивавшаяся. Ключевский пишет: «Всплыли наверх все эти Нарышкины, Стрешневы, Лопухины, цеплявшиеся за неумную царицу». Современник Куракин сообщает: «Правление оной царицы Натальи Кирилловны было весьма не порядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось не правое правление от судей, и издоимство великое, и кража государственная».

Дела пошли еще хуже, чем при Софье и Голицыне. Замерла внешнеполитическая деятельность, в совершенный упадок пришла регулярная армия. Правительство не желало расходовать деньги на содержание полков «иноземного строя», их число резко сократилось. При Василии Голицыне страна держала восемьдесят тысяч солдат, а всего пять лет спустя, ко времени Азовских походов, их останется тысяч тридцать. Войско вновь, как в шестнадцатом столетии, теперь в основном состояло из мало на что годного дворянского ополчения и казачьих отрядов.

Вместо реформ страна, наоборот, откатилась назад. Всё вновь обустроилось по-старинному. Большое влияние приобрел патриарх Иоаким, человек суровых, консервативных взглядов. Он не любил иностранцев и боролся с их засилием, выслал из России иезуитов, стал жечь на кострах еретиков и «колдунов». В 1690 году Иоаким умер, понадобился новый глава церкви. Петр был за кандидатуру псковского митрополита Маркела, слывшего человеком просвещенным, но Наталья Кирилловна и ее родственники решили, что у Маркела «слишком много учености» (пишет Гордон), и поставили патриархом казанского митрополита Адриана «ради его невежества и простоты». В это время, стало быть, Петр никаким влиянием еще не пользовался и настоять на своем не умел.

Царь даже не переселился в кремлевский дворец, а продолжал оставаться в Преображенском, где ему жилось вольготней, и всюю предавался забавам. Разница состояла только в том, что теперь он мог это делать с меньшими ограничениями и ббольшим размахом.

Например, Петр стал активно общаться с иностранцами, да и те, в свою очередь, уже не опасаясь вызвать неудовольствие Софьи, всюю старались угодить юному царю. Это сближение происходило вовсе не так быстро, как изображают в исторических романах и фильмах. Поначалу Петр все-таки был вынужден соблюдать определенные правила. Он стал одеваться по-европейски, «от башмаков и чулок до парика», лишь после смерти сурового Иоакима, да и в гостях у иностранца (генерала Гордона) впервые побывал лишь через месяц после кончины патриарха – в апреле 1690 года. Со временем визиты в Немецкую слободу участились. Тогда же в жизни Петра появился Франц Лефорт, русский офицер женевского происхождения. Это был человек веселый, обаятельный, гордый на выдумки, многое повидавший. По аттестации Куракина, которого так приятно цитировать, Лефорт был «слабаго ума и не капабель [неспособный]», зато «денно и ношно был в забавах». Неотесанный юноша, у которого развязность

легко сменялась застенчивостью, буквально влюбился в этого блестящего кавалера. «Он ввел Петра в иноземное общество в Немецкой слободе, где царь нашел полную непринужденность обращения, противоположную русской старинной чопорности», – пишет Костомаров. Вскоре в жизни Петра появилось еще одно сильное увлечение – Анна Монс. В начале 1690-х годов царь, кажется, проводил больше времени на Кукуе, чем в своем скучном дворце. Тогда же сформировались его прочные пристрастия: к европейскому образу жизни (вернее, кукуйскому, то есть довольно специфическому), к шумным попойкам – говоря шире, ко всяческому нарушению постылых старомосковских обычаев.

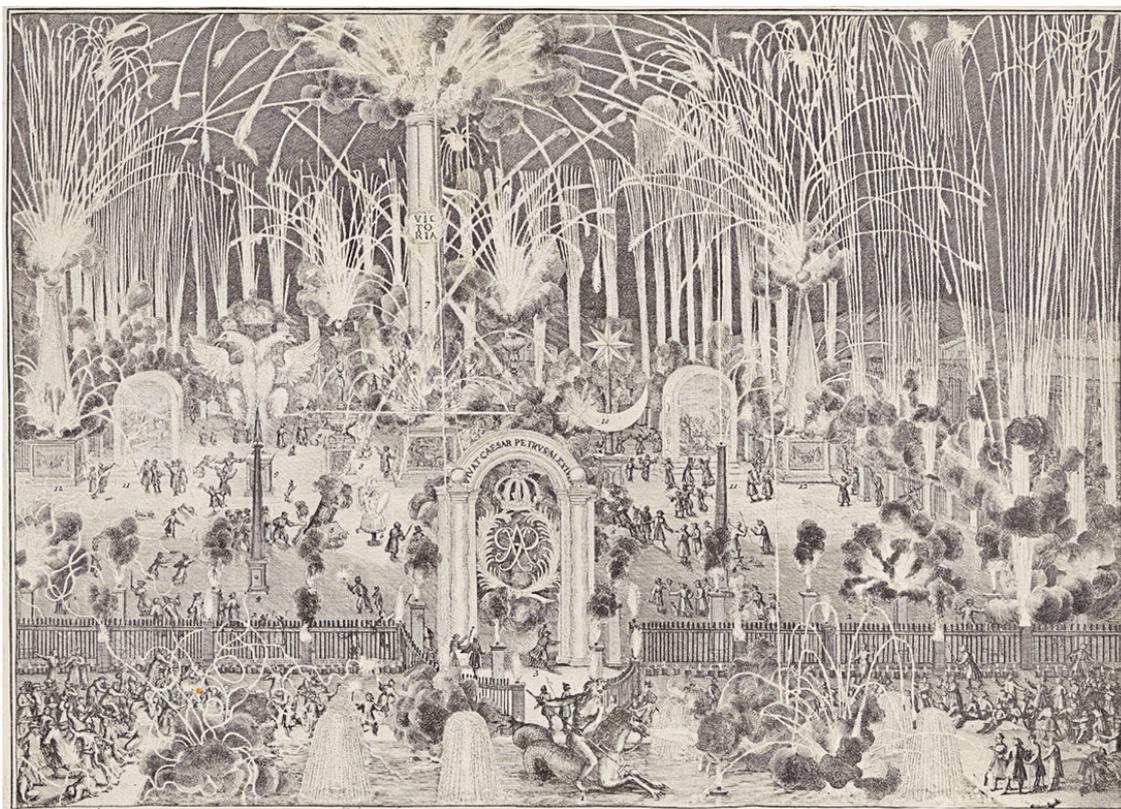
Непохоже, чтобы под влиянием Лефорта и прочих подобных весельчаков царь научился чему-то полезному – разве что немного объясняться по-немецки, да и то по большей части просто вставлял в русскую речь отдельные иностранные слова и выражения, иногда безбожно их перевирая.

Кажется, главным увлечением Петра в это время были фейерверки. В ежедневных записках Гордона царь в основном упоминается в связи с очередным салютом. «Как тогда обычаем был на конец кроновала или на маслянице на Пресне, в деревне их величества, по вся годы, потехи огненные были деланы, – рассказывает и Куракин. – И, правда, надобное сие описать, понеже делано было с великим иждивением, и забава прямая была мажестé [величественная]».

Военные игры, которыми продолжал развлекаться Петр, по-прежнему оставались не более чем забавой, просто теперь выросли ее размеры.

Осенью 1690 года состоялось ристалище, в котором участвовало не менее двух тысяч человек: «потешные» и дворянская конница против стрелецкого полка.

Год спустя игра повторилась в еще большем масштабе: стрелецкой армии противостояла армия западного строя («потешные», солдаты, драгуны и рейтары). И все же маневрами назвать эти хаотические перепостроения, временами переходившие в беспорядочную потасовку, а заканчивавшиеся массовым пьянством, трудно.

Московский фейерверк. Офорт А. Шхонебека. 1697 г.

Пожалуй, единственным важным событием на этом поприще стало создание двух первых гвардейских полков, Преображенского и Семеновского (около 1691 г.), на основе которых через некоторое время возникнет настоящая армия.

Ненамного больше прока было и от другого царского увлечения – корабельного строительства. Оно тоже пока не выходило за рамки высочайшего хобби. Петр построил несколько небольших галер и плавал на них по Москве-реке. Затем переместился на просторное Плещеево озеро в ста пятидесяти километрах от Москвы – там можно было строить большие лодки и маневрировать под парусами. В 1691 году на озере заложили настоящий военный корабль, постройкой которого руководил самый серьезный из петровских собутыльников Федор Ромодановский, ради такого случая произведенный в адмиралы. Корабль построили, с помпой спустили на воду, устроили пальбу из пушек, но никакого практического смысла в военном флоте на Плещеевом озере, конечно, не было.

Петру хотелось на большую воду, на морской простор. Выбирать не приходилось. Морской порт, куда заходили настоящие европейские суда, у России имелся только один – в Архангельске. Туда Петр летом 1693 года и отправился.

Это была первая дальняя поездка царя и его первое знакомство с морской стихией, которую он полюбит на всю жизнь.

Архангельск принимал за навигацию несколько десятков купеческих кораблей. В то лето их прибыло около сорока. Для царя была выстроена яхта с 12 маленькими пушками, и на этом суденышке Петр провожал англо-голландский караван в открытое море. Потом он еще сорок дней дожидался прибытия конвоя из Гамбурга и за это время заложил верфь для постройки первого русского корабля (небольшого, на 24 пушки). Тогда же в Голландию был отправлен заказ на покупку 44-пушечного фрегата.

Вся эта активность по-прежнему не имела серьезного вида, поскольку ни один, ни два собственных корабля никоим образом не решили бы проблему самостоятельной внешней торговли. С. Платонов справедливо называет петровские морские усилия этого периода «пустошным делом».

Но поездка на море имела два важных последствия. Во-первых, Петр определил себе главную цель жизни: завладеть морем. И во-вторых, на обратном пути из Архангельска он, по-видимому, и подцепил предположительный энцефалит. Во всяком случае весь конец осени и начало зимы царь был так тяжело болен, что при дворе началась паника. Что если он умрет? Тогда самодержцем останется один Иван, а с ним вернутся Милославские и грозная Софья...

Петр выжил, хоть и на весь остаток жизни обзавелся своими нервными припадками. Но 4 февраля 1694 года скончалась его мать, еще совсем не старая, сорокадвухлетняя Наталья Кирилловна. Хотел того ее сын или нет, но теперь он должен был заниматься государственными делами сам.

Можно сказать, что Петр стал самодержцем в три этапа: в 1682 году по титулу, в 1689-м по положению, а в полном смысле – лишь с 1694-го.

Первые шаги 1694–1696

Поначалу серьезных перемен в правительстве не произошло. «Хотя его царское величество сам вступил или понужден был вступить в правление, однако ж труда того не хотел понести и оставил все своего государства правление министрам своим», – пишет Куракин. Правда, утратил первенствующее положение никчемный Лев Нарышкин, «понеже он от его царского величества всегда был мепризирован [презираем] и принят за человека глупаго», однако сохранил за собой должность главы Посольского приказа.

По старой памяти Петр вернул и приблизил Бориса Голицына, но тот «пил непрестанно, и для того все дела negliжировал», так что пришлось заменить его все тем же Тихоном Стрешневым, который был хоть и не семи пядей во лбу, но по крайней мере трезвого поведения. Навероятно возросло значение царского друга Лефорта, который получил высшие чины – адмирала и полного генерала, однако на какую-либо власть не претендовал.

В первые месяцы самостоятельного царствования Петра продолжались все те же увеселения и игрища. Теперь не нужно было выпрашивать у матери денег, Петр мог сам распоряжаться казной, и весной он снова отправляется в Архангельск, теперь с огромной свитой. Там как раз достроили первый русский корабль, за ним спустили на воду и второй, вскоре прибыл заказанный в Голландии фрегат. Царь объявил, что флот создан, и придумал для него трехцветное сине-бело-красное знамя, попросту поменяв местами цвета с флага великой морской державы Голландии.

Траты были немалые и при этом бесперспективные. Флот на далеком северном море никак не мог решить главную политическую проблему России – отсутствие незамерзающих европейских портов. Поняв это, Петр вскоре охладает к идее создания беломорской эскадры, немногочисленные архангельские корабли (всего их построят шесть) будут переоборудованы в обычные торговые суда.

Наплававшись по морю и чуть не утонув там во время шторма, царь в начале осени вернулся в Москву, где предался другой любимой забаве – играм военным, придав им невиданный размах.

В подмосковной деревне Кожухово построили большую крепость, куда засели семь с половиной тысяч стрельцов. Вторая армия, девять тысяч солдат европейского строя при поддержке дворянской конницы, должна была взять эту «твердыню». Нечего и говорить, что сам государь состоял в «европейском» войске, в качестве «бомбардира Петра Алексеева». Это и предопределило исход дела: гарнизон посопротивлялся некоторое время, а затем капитулировал.

С одной стороны, Кожуховское действо, длившееся целых три недели, сохранило все приметы прежних потешных побоищ – с хмельными безобразиями, с шутами и карлами, с личной перебранкой «командующих», но в то же время состоялось и нечто вроде боевых учений. Саперы строили мосты, взрывали мины, засыпали рвы, артиллеристы стреляли из пушек глиняными гранатами, пехотинцы штурмовали укрепления, конница совершала маневры. Нешуточными были и потери – несколько десятков убитых и покалеченных.

Кожуховские маневры. А.Д. Кившенко. 1882 г.

Самым же серьезным следствием маневров было то, что Петр уверился, будто в его распоряжении находится мощная армия, с которой можно затеять и настоящую войну.

Ломать себе голову над тем, где бы повоевать, не приходилось: Россия уже почти десять лет находилась в состоянии войны с Османской империей, просто боевые действия давно не велись.

Напомню, что первая русско-турецкая война (1672–1681) разразилась из-за столкновения интересов на Украине. После ряда кровопролитных боев обе стороны поняли, что легкой победы не будет, и заключили перемирие, договорившись о разделе сфер влияния.

Однако в 1686 году правительство Василия Голицына сочло выгодным присоединиться к антитурецкой «Священной Лиге» (Австрия, Польша, Венеция), получив в виде компенсации за помощь признание прав на Смоленщину, Левобережную Украину и Киев. Расплачиваться пришлось дорогостоящими походами в Крым (1687, 1689). Это, собственно, была не столько попытка завоевания, сколько военная демонстрация, и в этом качестве она вполне достигла цели: Россия исполнила свои союзнические обязательства и закрепила за собой серьезные территориальные приобретения.

Правительство Нарышкиных никаких активных действий против Турции не вело и, как уже было сказано, сильно сократило военные расходы.

Историки очень старались найти глубокие резоны, которые обосновали бы политический замысел Азовской эпопеи Петра: он-де стремился избавиться от турецкого плацдарма, угрожавшего безопасности России, или же получить выход к Черному морю. На самом деле турки содержали Азовскую крепость не для нападения, а для обороны: чтобы контролировать устье Дона и сдерживать грабительские набеги казачьих флотилий. В стратегическом же отношении захват этого пункта не давал России ничего кроме доступа к бесполезному в торговом смысле

Азовскому морю. Взятие Азова имело бы смысл, если бы за ним последовало занятие Керчи для выхода в Черное море, а затем и контроль над проливами, ведущими в Средиземноморье, однако с этой гигантской задачей, как известно, Россия не сможет справиться и во времена, когда ее мощь достигнет апогея, а Турция придет в совершенный упадок.

В конце же семнадцатого века всерьез вынашивать подобные планы мог только безумец. Османская империя, в одиночку противостоявшая целой европейской коалиции, выводила на поля сражений 200 тысяч пехотинцев и 180 тысяч всадников, не считая 60 тысяч вассального крымского войска.

Похоже, что главным мотивом для возобновления боевых действий было всего лишь желание молодого царя проявить себя в «великом деле» и испытать свою армию в истинных, а не потешных сражениях.

События ускорило известие о том, что в Стамбуле (в феврале 1695 года) сменилась власть и что новый султан Мустафа II намерен бросить все свои силы против «Священной Лиги». В такой ситуации можно было надеяться, что турки не пришлют в Азов подкреплений и вообще махнут рукой на не слишком важный для них город, а потом будет видно, какая из этого выйдет польза.

По выражению Костомарова, Петр решился на дерзкое предприятие «со свойственной его юношескому возрасту отвагой, недолго размышляя».

На бумаге план кампании выглядел прекрасно. Объявили публично, что целью похода опять является Крым, как во времена Василия Голицына. В том направлении, к низовьям Днепра, действительно для отвлечения внимания отправилось большое, но разномастное войско Бориса Шереметева, в которое собрали дворянскую конницу, гарнизонные части и казаков украинского гетмана Ивана Мазепы.

Все лучшие силы – солдаты и отборные стрельцы – были переброшены к Азову. За последние пять лет, невзирая на петровскую любовь к военным забавам, русская армия заметно усохла. В 1689 году, при Софье, на Крым ходила армия в 112 тысяч человек. Теперь под Азов шли 30 тысяч войска «первого сорта», и еще 25 тысяч качеством похуже было у Шереметева, то есть произошло двукратное сокращение.

Готовились вроде бы основательно: построили струги, чтобы плыть до места по воде, назначили поставщиков продовольствия и фуража, мобилизовали конную тягу. Чтобы избежать заторов, разделили армию на три «генеральства», которыми командовали Франц Лефорт, Патрик Гордон и начальник «потешных» Автоном Головин.

Но настоящая война оказалась труднее Кожуховских учений. К месту вовремя прибыл один Гордон, маршрутировавший без хитростей, сухим путем. Остальные две дивизии столкнулись с множеством проблем: часть стругов никуда не годилась, поставщики подвели, начался падеж лошадей. Солдатам пришлось тащить пушки и возы вручную. Добирались больше двух месяцев, так что обмануть турок демонстрацией Шереметева не получилось.

В крепости стояло немалое войско, семь тысяч человек. Проблем с продовольствием и боеприпасами у него не возникало – не имея кораблей, русские не могли контролировать водные коммуникации. Укрепления были серьезные: каменные стены, перед ними земляной вал с 15-метровым рвом, деревянный частокол. На берегах Дона высились две башни, между которыми были натянуты железные цепи – чтобы казачьи лодки не могли выйти в море.

Штурм Азова. *Р. Портер*

Гарнизон в «каланчах» был маленький. Донские казаки-добровольцы лихой атакой взяли одну, из второй турки ушли сами.

Эта скромная победа так и осталась единственным успехом за всю осаду.

Сам Петр играл в то, что он здесь человек не главный, а простой бомбардир. Трудно сказать, чем объяснялся этот маскарад, к которому он будет прибегать постоянно: назначать начальниками других, а самому оставаться вроде бы в тени. Скромность была совсем не в характере царя, скорее речь может идти о неуверенности и страхе совершить какую-нибудь непоправимую ошибку. Так или иначе, система, при которой армия вместо главнокомандующего имела трех автономных военачальников и царя-бомбардира, ни за что не отвечавшего, но во все вмешивавшегося, работала плохо. Генералы ссорились между собой, не приходили друг другу вовремя на выручку.

Но хуже всего было то, что русская армия продемонстрировала скверные боевые качества.

Артиллерия две недели палила по крепости, но так и не пробила брешей.

Саперы вели подкопы – и от неопытности подрывались на собственных минах.

Днем войско располагалось на послеобеденный сон. Однажды турки в этот час устроили вылазку, перебили несколько сотен человек, попортили орудия, а девять даже утащили с собой.

5 августа русские предприняли штурм – получился разброд и конфуз. Храбрецы бодро вскарабкались на стены, малодушные остались сзади, кричали «ура!», но в огонь не шли, отсиживались во рву. Сказались низкая дисциплина, плохая выучка, отсутствие настоящего офицерского корпуса.

Не лучше вышло и со вторым штурмом 25 сентября. Подкоп под стену снова не удался. Штурмующие действовали разрозненно, что позволяло туркам перебрасывать подкрепления из одной точки в другую. Батальон преображенцев прорвался было в город, но не получил подмоги и был вынужден отступить.

Через два дня, утратив надежду на победу и израсходовав припасы, русская армия сняла осаду.

Отступали не лучше, чем наступали. Многие утонули на переправе через Дон, многие умерли от голода и болезней – осень в степях выдалась холодная.

Одним словом, первый военный опыт Петра закончился еще бесславнее, чем крымские походы Василия Голицына, над которыми некогда так глумились в селе Преображенском. Отвлекающий маневр Шереметева удался и то лучше: на Днестре хоть взяли четыре маленькие турецкие крепости.

Правда, царь, точь-в-точь как шестью годами ранее Василий Голицын, объявил стране о великой победе и устроил триумфальный въезд в столицу. В качестве трофея москвичам торжественно предъявили одного-единственного пленного турка.

Рубеж 1695 и 1696 годов стал для Петра переломным. Проявилось самое ценное качество сложного петровского характера, которое не раз выручит его и в дальнейшем: после поражения этот человек не опускал руки, а начинал действовать с удесятенной энергией.

Царь решил на следующий год снова идти к крепости, которая не далась с первого раза – но теперь уже не на «авось», а с гарантией результата. Для этого был разработан ясный план действий. Царь правильно определил главные причины неудачи: то, что Азов не был блокирован с моря, и недостаточно сильная армия. На исправление этих ошибок Петр и направил все усилия. Игры закончились, началась тяжелая работа. Именно в этот момент Петр стал из «потешного» правителя настоящим.

В верховьях Дона, близ Воронежа, на границе Великой Степи с Великим Лесом, быстро построили верфи, согнали туда огромное количество крестьян, 26 тысяч человек, и начали с небывалой скоростью строить флот. Невзирая на морозы и лишения, от которых несчастные работники умирали массами, работы кипели днем и ночью. Дисциплина поддерживалась самыми жестокими мерами: тех, кто пытался бежать, ловили и вешали. Можно сказать, что это был первый опыт «гулагстроя» в отечественной истории. Оказалось, что принудительной мобилизацией, репрессиями и страхом можно добиться впечатляющих результатов – во всяком случае, на коротком отрезке времени. В будущем Петр будет использовать эту методику постоянно.

К весне на воду спустили 1300 (!) стругов для транспортировки войск, а кроме этих больших плоскодонных лодок, привычных для русских плотников, еще построили по голландским образцам военную флотилию: 23 гребные галеры с пушками и 4 брандера – отпугивать турецкие корабли.

Казне гигантская затея обошлась очень дорого, при этом суда из мерзлой древесины получились плохими, для однократного использования, но ради взятия Азова царь был готов на любые жертвы. Жертвы его вообще никогда не останавливали.

Армию пополнили противоположным, но, пожалуй, еще более эффективным способом – не через принуждение, а через правильное стимулирование. Было объявлено, что все крепостные и холопы, кто запишется в солдаты, получают свободу. В Преображенское, к месту сбора, немедленно хлынули толпы добровольцев. Если в прошлом году едва набрали тридцатитысячное войско, то теперь под ружье встали 70 тысяч человек.

На фоне всех этих эпохальных событий современники почти не заметили смерти (в январе 1696 года) «старшего царя» Ивана V, забытого всеми еще при жизни. Петр стал единственным монархом, но это совершенно ничего не изменило.

Полки погрузились и отправились на юг в конце апреля.

Теперь осада была организована правильно – таким образом, что и штурма не понадобилось.

Прежняя ошибка с разделением главнокомандования была исправлена. Петр по-прежнему не взял на себя этой миссии, но назначил «генералиссимусом» боярина Алексея Шеина, который хорошо проявил себя во время первой осады (он тогда командовал преображенцами и семеновцами). Вести флотилию царь поручил адмиралу Лефорту. Оба военачальника не обладали стратегическими талантами, но других командующих взять было негде. Себя Петр скромно произвел в галерные капитаны.

Военные корабли полностью блокировали Азов с моря. Турки, у которых, видимо, совсем не было разведки, такого не ожидали. Запоздалое подкрепление из Керчи – четыре тысячи воинов с припасами – не решилось прорваться через строй галер и брандеров.

По периметру твердыни русские построили высокую, вровень со стенами, земляную насыпь. Оттуда орудия повели методичный обстрел городских укреплений. Под прикрытием этого огня понемногу засыпали рвы. После этого было уже нетрудно захватить турецкий вал – внешнее кольцо обороны. Не дожидаясь генерального приступа, турки начали переговоры о сдаче.

18 июля крепость, всего год назад казавшаяся неприступной, капитулировала. Так Петр получил очень важный урок: гарантия военного успеха – хорошая подготовка и, выражаясь по-современному, правильная логистика. Отходя от этого золотого правила из-за вечной своей нетерпеливости, он будет терпеть неудачи. Придерживаясь – побеждать.

Азовские походы 1695-1696 гг. М. Романова

В связи со взятием Азова имел место один небольшой, но примечательный эпизод, показывающий, насколько болезненно Петр относился к предательству.

Во время первой неудачной осады в турецкий лагерь перебежал голландец русской службы Яков Янсен, какой-то военный специалист (в разных источниках его называют то моряком, то инженером, то артиллеристом). Не бог весть какое событие, не бог весть какая фигура, но царя взбесило двойное предательство: не только присяге, но и вере. Дело в том, что Янсен, ради карьеры перекрестившийся в православие, с такой же легкостью принял в Азове мусульманство. К тому же ходили слухи, что это Янсен выдал страшную тайну: русские-де после обеда всегда спят. Тогда-то турки якобы и совершили ту злополучную вылазку, перебив солдат и захватив орудия.

Судьба изменника занимала на переговорах о капитуляции важное место. Царь требовал выдать Янсена, турки не соглашались – ведь он стал их единоверцем. В конце концов выдали, но взамен выговорили всему гарнизону свободный выход с оружием, семьями и имуществом.

Триумфально въезжая в Москву, царь предъявил подданным не трофеи и не толпу захваченных турок, а опять одного-единственного пленника. Бедного Янсена провезли по городу в чалме и цепях, а потом предали мучительной казни колесованием. Смысл демонстрации был очевиден: хуже предательства преступлений не бывает.

Азовский трофей. *Рисунок И. Сакурова*

Даже апологет петровского величия Н. Павленко пишет: «Пышность встречи победителей не соответствовала реальному значению одержанной победы».

Победа Петра, в самом деле, была скорее личной, чем исторической. Молодой царь доказал себе и подданным, что умеет добиваться поставленной цели, и это, конечно, много значило. Гораздо больше, чем обладание Азовом. Пожалуй, следовало бы сказать, что владение этим приморским городом обошлось России гораздо дороже его взятия.

Небезосновательно приписывая успех второй осады действиям Воронежского флота, Петр сделал из этого факта вывод, казавшийся ему несомненным: кораблестроение на Дону нужно развивать.

Денег у государства на это не было, и царь ввел еще одну новацию. Флот должно было построить всё население, на собственные деньги. Бояре и дворяне – по одному кораблю с каждых десяти тысяч крепостных хозяйств. Духовное сословие – с каждых восьми тысяч. Купцам и горожанам предписывалось коллективно оплатить двенадцать судов. За каждый корабль отвечало специально учрежденное «кумпанство» – всего их набралось пятьдесят два. По сути дела

был учрежден колоссальный дополнительный налог, который лег на страну огромной тяжестью.

За время царствования Петр пытался осуществить немало гигантских проектов, в том числе несбыточных или очень странных. Какие-то из них проваливались, другие при всей фантастичности получались (например, строительство новой столицы на дальней окраине, среди пустынных болот), но эпопея Воронежского флота, пожалуй, не имеет себе равных.

В течение полутора десятилетий измученная, бедная страна тратила огромные человеческие и материальные ресурсы на строительство и поддержание призрачного флота, которому было негде плавать. На воду спустили 215 кораблей, в том числе очень больших, линейных. По большей части суда просто сгнили в пресной воде. Море они видели только маленькое и мелкое – Азовское, а повоевать ни одному так и не довелось.

Историки, которые склонны находить глубокий смысл во всех решениях Петра, предполагают, что эти чудовищные расходы были не совсем напрасны. С помощью-де Воронежского флота во время тяжелой Северной войны царь удерживал Турцию от нападения на Россию. Мол, лишь боясь этакой силы, турки вели себя смирно. На самом деле султану бояться донских кораблей было незачем. Они не смогли бы выйти в Черное море – узкий Керченский пролив надежно охранялся. Мы увидим, что, решив воевать с Россией, султан Ахмед III не испугается странной речной эскадры – а та не доставит ему никаких неприятностей. После событий 1711 года Воронежский флот свернули, понапрасну потратив миллионы рублей, погубив тысячи крестьян и вырубив вековые леса.

Нет, ничем кроме страстной петровской любви к кораблестроительству это расточительство объяснить, пожалуй, нельзя.

Польза от Воронежского флота если и была, то очень скромная. В 1699 году 46-пушечный корабль 3-го класса отвез в Константинополь царских послов, и все там очень удивились: надо же, у московитов есть настоящий корабль. А кроме того, для строящегося флота требовались кадры, поэтому Петр начал посылать за границу на обучение молодых дворян. Так появились первые российские морские офицеры.

Воронежская затея повлекла за собой и еще одно важнейшее событие, не столько флотского, сколько всероссийского значения. Царь увлекся строительством кораблей так сильно, что захотел и сам освоить эту профессию. Сделать это можно было только в Европе.

Большое путешествие *Конец 1696 – август 1698*

Начало самостоятельного правления Петра сопровождалось множеством небывалых прежде деяний, но ни одно из них не могло сравниться с затеей, которая созрела в царской голове на исходе победного 1696 года: отправиться в Европу лично, чтобы посмотреть собственными глазами на этот «большой Кукуй». Русские цари никогда прежде за пределы своего государства не выезжали – разве что во время войны, с армией. Да и в Европе подобные визиты августейших персон были большой редкостью. В эпоху, когда огромное значение придавалось протоколу и декору, такая поездка монарха неминуемо становилась очень сложным и громоздким делом, ну а кроме того, всякий правитель боялся оставить государство без присмотра.

Петр решил обе проблемы беспрецедентным образом, с поразительной легкостью. Чтобы обойти церемониальные сложности, царь решил путешествовать инкогнито – под именем «преображенского урядника Михайлова», якобы сопровождающего официальное посольство в качестве волонтера. Что касается управления, оно было доверено надежному человеку Федору Ромодановскому, который получил невиданный титул князя-кесаря и неограниченные полномочия.

Главной причиной удивительного предприятия были любознательность и любопытство Петра, но это не значит, что у посольства не имелось и более серьезных целей.

Одной из них, сугубо практической, была закупка современного оружия и инструментов, а также массовая вербовка необходимых России специалистов: моряков, кораблестроителей, инженеров и офицеров. Другая цель касалась большой политики. Заплатив дорогую цену за Азов, Петр задумался о дальнейших действиях. Логичней всего было продолжать войну с Турцией, но не автономно, а в координации с европейскими союзниками. Важнейшим из них был германский император Леопольд I. К нему в Вену направлялось Великое посольство, официальной миссией которого объявлялось «ослабление врагов креста господня: салтана турецкого, хана крымского и всех бусурманских орд». Дипломатическая подготовка к наступательному и оборонительному альянсу с императором и Венецианской республикой была уже проведена, так что успех казался гарантированным.

То ли по этой причине, то ли, что вероятнее, удовлетворяя петровскую любознательность, посольство наметило довольно странный маршрут в Вену: не напрямую, а круглым путем через всю северную Европу. Царю хотелось попасть в Голландию, страну корабельных верфей.

В начале марта 1697 года огромный караван в тысячу саней тронулся в дорогу. Номинально посольство возглавляли Франц Лефорт, глава Посольского приказа Федор Головин и самый опытный из русских дипломатов дьяк Прокофий Возницын. Первым лицом считался Лефорт – должно быть, Петр полагал, что европейцу будет легче найти общий язык с другими европейцами.

Месяц добирались до первого большого иностранного города – Риги, уже семьдесят лет принадлежавшей шведской короне.

Ливонский генерал-губернатор Эрик Дальберг, старый вояка, известный своей суровостью, принял посольство строго по протоколу. Он, конечно, знал, что под видом простого волонтера скрывается сам царь (особенного секрета из этого и не делалось), но решил: уж инкогнито так инкогнито. Когда «урядник Михайлов» со своей любовью к фортификации принялся рассматривать в подзорную трубу крепостные укрепления, которые в это время как раз перестраивались по новейшей инженерной науке, губернатор сделал ему строгое замечание. С Петром так обращались впервые, он страшно оскорбился и впоследствии обиды не забыл.

Таким образом, Европа встретила своего поклонника не слишком приветливо.

Долго Петр в Риге не задержался, переместившись в маленькую Курляндию, где герцог Фридрих-Казимир принял высокого гостя гораздо любезнее, поскольку был очень заинтересован в хороших отношениях с русским соседом.

В начале мая в Кенигсберге у царя состоялась встреча с уже более или менее значительным европейским монархом курфюрстом Фридрихом III (вскоре он станет первым прусским королем). Беседовали неофициально и тайно. Немец предложил военный союз, направленный против Швеции, но Петра в 1697 году это еще не интересовало, а курфюрсту незачем было воевать с Турцией, поэтому точек соприкосновения не нашлось.

Есть любопытный документ – письмо прусского сановника фон Фукса, дающее представление о том, как Петр держался в самом начале своего большого турне: «Я уже сообщал Вашей Курфюршеской Светлости, что у него прекрасные глаза, исключая гримасы; все части лица достаточно правильные. Всеми своими действиями он показывает, что не любит ни роскоши, ни спеси. Его одежда так проста, что дальше некуда, так что по ней его никогда нельзя принять за монарха величайшего государства в мире... Он проявил исключительную непринужденность по отношению ко всем нам, говоря с каждым достаточно непосредственно и так, будто бы мы были всю жизнь знакомы. Он немного говорит по-фламандски, но при этом его вполне можно понять. Правда, его манера вести себя, особенно за столом, немного отдает варварством, поскольку, да будет мне, как правдивому историку, дозволено рассказать обо всем, он еще чистит себе нос пальцем, и одежда маркграфа Альберта, который сидел рядом с ним, носит следы этого».

Примерно так же – как к занятому дикарю – к московскому царю будут относиться все, кто с ним встречался. Если Петр рассчитывал, что его Азовская победа впечатлила Европу, он ошибся.

В Бранденбурге «волонтер» изучал артиллерийское дело. У этой задержки имелась еще одна причина: в соседней Польше происходили выборы короля, и русских очень интересовал исход. Там соперничали две партии. Одна была за французского принца Франсуа-Луи де Бурбон-Конти, другая за саксонского курфюрста Фридриха-Августа. Если бы верх взял первый, Польша наверняка вышла бы из антитурецкой коалиции, поскольку Франция стремилась поддерживать хорошие отношения с Константинополем. Русские старались помочь Августу и даже обещали прислать ему в помощь войско. Однако курфюрст справился сам: в его распоряжении имелась собственная отличная армия, находившаяся вблизи от польских границ. Это и решило дело.

Успокоившись насчет польских дел, Петр двинулся дальше – не на юг, в сторону Вены, а на север, в Голландию, куда и прибыл в начале августа. Великое посольство, которое двигалось слишком медленно, нетерпеливый путешественник оставил позади. Его сопровождала лишь маленькая свита из нескольких человек.

Остановился «Михайлов» не в Гааге и не в Амстердаме, где могли бы состояться переговоры с правительством республики, а в городке Саардам – потому что там находилась знаменитая верфь. Корабли Петра интересовали явно больше, чем политика.

Царь Петр в Голландии. Гравюра. XVII в.

История про «Саардамского плотника» обросла многочисленными легендами, но на самом деле Петр провел в Саардаме всего восемь дней и вряд ли мог за это время много там наплотничать. Затем до Амстердама добрались послы, и царь к ним присоединился.

Четыре месяца русские оставались в этом городе, тщетно пытаясь договориться с голландским правительством о союзе и сотрудничестве. Встречного интереса со стороны Генеральных Штатов не было, так что в дипломатическом отношении приезд в Нидерланды оказался бесполезным.

Зато Петр получил то, чего так страстно хотел: прошел полный курс кораблестроения на амстердамской верфи, где специально для царя с начала до конца, от закладки до спуска на воду, построили фрегат «Петр и Павел». «Волонтер Михайлов» попробовал свои силы во всех видах работ, получил соответствующий диплом и остался очень доволен.

Однако и теперь он отправился не в Вену, а в противоположную сторону.

Петр несколько раз встретился с голландским штатгальтером Вильгельмом, одновременно являвшимся королем Англии. Лондону, как и Гааге, заключать союз с Москвой было незачем, но английские купцы вели с Россией выгодную торговлю, поэтому Вильгельм был сама любезность. Поняв, чем можно заслужить расположение странного москвитя, король подарил Петру яхту и пригласил в Англию, прислав для встречи дорогого гостя целую эскадру. Политического смысла в этой поездке опять-таки не было, но Петру сказали, что кораблестроительное дело в Британии поставлено еще лучше, чем в Голландии, – и в январе 1698 года царь уплывает в Лондон.

Наскоро осмотрев достопримечательности английской столицы, царь поселился в пригороде, потому что там находилась верфь, и три с половиной месяца постигал уже не практику, а теорию кораблестроения. В позднейшие годы Петр станет относиться к Британии враждебно, но при первом знакомстве островная держава произвела на него самое лучшее впечатление – прежде всего тем, что всё здесь было подчинено интересам флота. Царь побывал в знаменитом Вулвичском военно-морском арсенале, на заводе, где лили корабельные пушки, в госпитале для моряков и с завистью сказал, что лучше быть адмиралом английским, чем царем московским. Другие знаменитые учреждения Британии – парламент и Оксфордский университет – одобрения у Петра не вызвали.

В Голландии был сделан первый портрет Петра, впоследствии презентованный английскому королю и ныне хранящийся в Хэмптонкортском дворце. Пышно-царственным и величественно-спокойным царя вопреки истине изобразил модный живописец Готфрид Кнеллер, но корабли на заднем плане наверняка пририсованы по личному желанию позирующего

Гостеприимство англичан окупилось с лихвой – царь отдал им лицензию на ввоз в Россию табака и пообещал способствовать распространению курения, занятия среди русских малопопулярного, а в недавние времена и уголовно наказуемого (при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче за употребление «богомерзкого зелья» били кнутом и «урезали нос»). Маркиз Томас Кармартен (тот самый сановник, кто организовал дарение Петру чудесной яхты) получил разрешение ввозить в Россию ежегодно сначала полтора, затем два, а потом и три миллиона фунтов «травы никоцианы» по мизерной пошлине 4 копейки с фунта, притом трубки могли продаваться беспошлинно. Табак отечественного производства (его выращивали на Украине) объявлялся вне закона.

Если Иван Грозный, учредив кабаки, пристрастил свой народ к пьянству хотя бы во имя пополнения казны, то Петр научил подданных курить ради выгоды англичан.

Впоследствии лондонский монопольный договор 1698 года не продлили как явно убыточный для России.

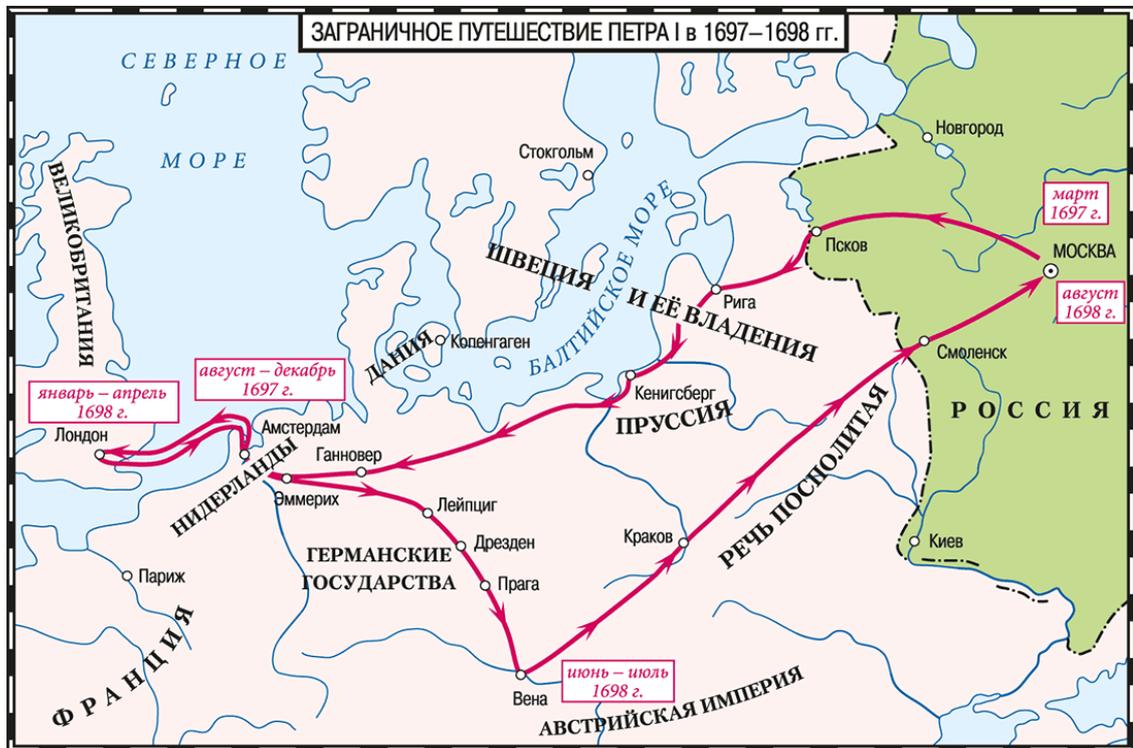
Из Англии царь вернулся в Голландию и, вероятно, опять задержался бы там, но тут начали поступать тревожные вести об изменении международной ситуации. Пока Петр пятнадцать месяцев кружил по Европе, удовлетворяя свою любознательность, обучаясь разным нецарским ремеслам и откладывая визит в Австрию (там ведь не было моря), главная политическая цель Великого посольства оказалась упущенной. Если весной 1697 года император желал военного союза против турок, то к следующему лету задули иные ветры.

Великие державы начали готовиться к новой большой войне, от которой зависело будущее всей Европы. Франция при Людовике XIV сделалась слишком сильной и претендовала на европейское лидерство, что угрожало интересам Англии, Голландии и Австрии. Ситуацию обострила болезнь Карла II Испанского. После его смерти огромная колониальная империя с ее неисчислимыми богатствами должна была достаться племяннику – сыну Людовика, женатого на сестре бездетного испанского короля. Случись это, французская гегемония в мире стала бы неоспоримой. Однако на другой сестре Карла Испанского был женат Леопольд Австрийский, что тоже давало основания претендовать на испанское наследство. Чтобы развязать себе руки, Леопольд должен был замирился с Турцией, а Англия и Голландия всячески этому способствовали. На фоне столь монументальных событий предварительные обещания, данные мало-значительной России, конечно, ничего не значили.

Петр, опережая посольство, поспешил в Вену, чтобы лично воздействовать на императора, но даже самый выдающийся дипломат (каковым царь никак не являлся) не справился бы с этой задачей. Император принял гостя учтиво и устроил в его честь череду празднеств, что не изменило существа дела. Союзники – Австрия, Венеция и Польша – выходили из войны. Петр требовал, чтобы по крайней мере при заключении мира были учтены интересы России. Никаких гарантий этого он не получил. Русских представителей пригласили участвовать в грядущем переговорном процессе, но дали понять, что каждый там будет за себя. Хуже того – стало ясно, что Австрии выгодно продолжение русско-турецкой войны, поскольку это оттянет силы Порты с Балкан на другой фронт.

Миссия, с которой Петр отправился в Европу, была катастрофически провалена. Вместо соучастия в дележке владений Османской империи Россия теперь рисковала остаться с этим все еще сильным противником один на один.

Наконец поняв, что в Вене ничего не добьются, Петр решил ехать в Венецию. 15 июля 1698 года он уже сел в карету, когда пришла страшная весть с родины: стрелецкие полки взбунтовались и идут на Москву. Вместо Италии царь заторопился в Россию.

Маршрут «Большого путешествия». М. Романова

Оставлять самодержавное государство на такой долгий срок без самодержца было, конечно, очень рискованной идеей. В мае, когда Петр еще находился в Амстердаме, поступил первый тревожный сигнал, к которому царь отнесся без должного внимания. Князь-кесарь сообщил, что в столицу самовольно явилась депутация от стрелецких полков, отправленных на службу к западной границе (таким образом правительство убрало подальше от Москвы воинский контингент, которому не доверяло). Для Петра, травмированного страшными детскими воспоминаниями о буйстве столичного гарнизона, стрельцы с их приверженностью старине и неуправляемостью были олицетворением всего, что он ненавидел. В свою очередь, и члены этого воинского сословия остро ощущали нерасположение верховной власти, особенно по контрасту с тем привилегированным положением, которым они пользовались при царе Алексее и в особенности при царевне Софье. На короткое время, летом 1682 года, стрельцы даже стали ведущей политической силой, совсем уже уподобившись турецким янычарам. Как те запросто свергали султанов и визирей, так и стрельцы позволяли себе врывать в Кремль, убивать царских родственников, да еще требовать за это награды.

Под Азовом стрелецкие полки показали, что их боевые качества невысоки, а тактические навыки безнадежно устарели. Разосланные по дальним крепостям, разлученные с родным городом и семьями, стрельцы, разумеется, были недовольны. Долгое отсутствие государя породило в их среде разные будоражащие воображение слухи: царь-де сгинул в чужой стороне и больше не вернется. Челобитчики от полков, 175 человек, отправились в Москву вроде бы с

жалобой на тяготы, задержку жалования и прочее – на самом же деле выяснить, правда ли, что Петр пропал.

Власти сурово отчитали нарушителей дисциплины, но не наказали, а лишь велели возвращаться к местам службы. Стрельцы вернулись, убедившись, что царя в столице до сих пор нет и в скором времени его не ждут.

Одним словом, получив от Ромодановского сообщение, что инцидент улажен, Петр успокоился совершенно напрасно. От искры, которой стали принесенные делегатами вести, в стрелецких полках произошел взрыв.

Близ Великих Лук, на литовской границе, были сосредоточены войска, посланные для поддержки «русского» кандидата на польский трон Фридриха-Августа, в том числе здесь стояли четыре стрелецких полка, не бывшие дома больше трех лет. В начале июня, когда стало ясно, что саксонский курфюрст благополучно занял престол, из Москвы пришел приказ: солдатам и дворянам можно расходиться по домам, а стрельцы пусть остаются служить дальше.

Тут и разразился мятеж. Откуда-то появилось письмо царевны Софьи (кажется, фальшивое) с призывом всем идти на Москву, встать лагерем у стен Новодевичьего монастыря, где содержалась свергнутая правительница, и звать ее «против прежнего на державство» [то есть властвовать, как в прежние времена]. При царевне стрельцам, конечно, жилось несравненно лучше, чем при Петре.

На кругу решили полковников прогнать, выбрать собственных командиров, двинуться походом на столицу, перебить там всех иностранцев (как же без этого), бояр тоже перебить, посадить на трон матушку Софью, а Петра, если он не сгинул и вернется – убить.

Если бы стрельцы находились близко от Москвы или если б их было больше, всё это могло получиться. Но мятежников в четырех полках насчитывалось всего 2 200 человек, а путь от границы – хоть стрельцы двигались налегке, быстрым маршем – потребовал времени, и правительство, преодолев первоначальную растерянность, успело подготовиться.

17 июня близ Нового Иерусалима, в полусотне километров от Кремля, дорогу бунтовщикам преградили четыре тысячи солдат под командованием генералиссимуса Шеина и генерала Гордона.

Умирать никому не хотелось. Начались переговоры. Стрельцы уверяли, что явились просто повидаться с семьями, а потом мирно вернуться обратно на службу, но было ясно, что добром это гостевание не закончится – смутьяны перебалмутят всю Москву. В свою очередь генералы уговаривали стрельцов выдать зачинщиков и идти назад, на границу, суля прощение.

Скоро стало понятно, что боя все же не избежать: стрельцы не уйдут, а солдаты их не пропустят.

У стрельцов было всего несколько легких пушчонок, у Шеина – 25 полевых орудий. Артиллерия и решила дело. Первый залп был предупредительный, поверх голов; второй – прямо в людскую гущу. После четвертого стрельцы кинулись врассыпную, но конница их всех переловила. На том восстание и закончилось.

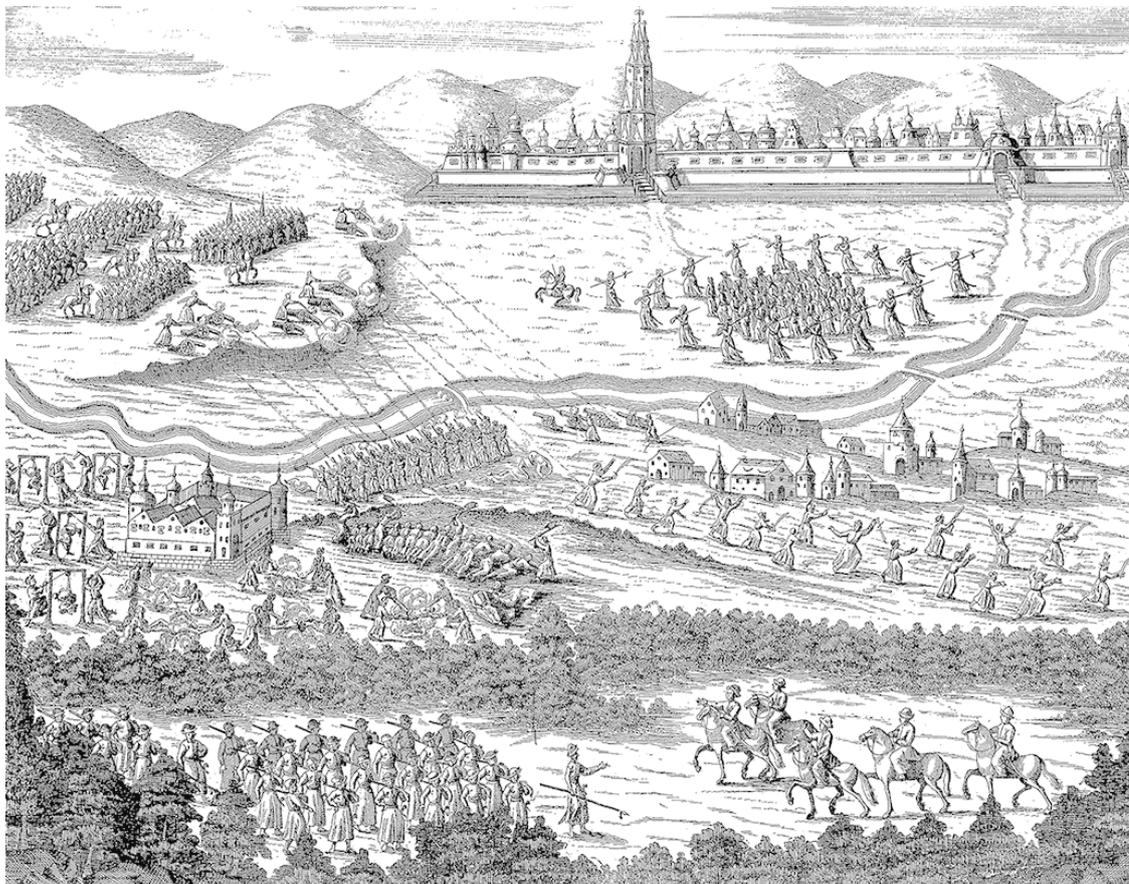
Разумеется, было проведено следствие, выявлены заводители и наиболее активные участники. Всех их, 130 человек, безжалостно казнили. Прочих оставили под стражей. Царю доложили, что всё хорошо, порядок восстановлен.

Между получением известия о восстании и донесения о его подавлении прошло пять суток, в течение которых царь несся без остановок и преодолел пятьсот километров. Сообщение о победе он получил в Кракове, но не успокоился, как в прошлый раз, а лишь замедлил темп движения.

Петр твердо решил, что пора возвращаться. В Москву он прибыл 15 августа 1698 года после полуторагодового отсутствия.

Результаты большого европейского путешествия были неутешительными. Внешнеполитическая ситуация сильно ухудшилась, внутривластная тем более. Правда, удалось завер-

бовать почти тысячу иностранных специалистов. Петр, собственно, и сам стал отчасти иностранцем, в чем скоро убедилась вся страна.

Сражение со стрельцами у Новоиерусалимского монастыря. Гравюра из «Дневника путешествия в Московию (1698–1699)» И. Корба

Подготовка к войне *Осень 1698 – осень 1700*

Насмотревшись на европейскую жизнь и решив, что она лучше русской, Петр страстно захотел сделать Россию Европой, а русских европейцами. Дело представлялось молодому царю не очень сложным: подданных надо переодеть по-западному, обрить им бороды и издать некоторое количество указов, а кто ослушается – наказывать.

На следующий же день по прибытии, прямо 26 августа 1698 года, Петр взялся за работу со всегдашней своей нетерпеливостью. В Преображенское явились придворные выразить свое счастье в связи с высочайшим возвращением. Царь встретил их одетый в немецкое платье, с ножницами в руках. Европеизацию он начал с первых «лиц» страны: генералиссимуса Шеина и князь-кесаря Ромодановского, откромсав им бороды. Потом дошел черед и до остальных бояр. Растительность на лице сохранили только двое – Тихон Стрешнев и князь Михаил Черкасский, с точки зрения Петра, люди старые и перевоспитанию уже не поддающиеся. Затем бритые пошло вширь. Непонятливых, кто смел показаться царю на глаза, не обрившись сам, встречал с ножницами уже не Петр, а шут. Пошли указы, по которым брадобритие объявлялось обязательным для всех мужчин, включая даже духовенство.

Для русского мужчины той эпохи борода была предметом гордости, и если в стране не случилось всеобщего восстания, то по традиционной причине, которую век спустя сформулирует известный остроумец Петр Полетика: «В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение – дурное их исполнение». Проследить за исполнением указа о тотальном брадобритии было некому, да никто особенно и не старался. Столкнувшись с глухим сопротивлением, эта законодательная мера со временем приняла другой вид. Правительство решило превратить брадобритие в еще один инструмент вымогательства денег у населения. Желающие сохранить бороду должны были платить за эту роскошь: от ста рублей в год с богатого купца до копейки с крестьянина. Для русского духовенства, без бород вовсе невообразимого, сделали исключение. Но и взимание этого «налога на роскошь» тоже не работало. Деньги текли не в казну, а главным образом в карманы надзирающих и проверяющих – тоже вполне обычная история. В результате обрилось одно только служилое сословие, целиком зависевшее от одобрения или неодобрения начальства либо (в армии) обязанное соответствовать определенным правилам.

Та же участь ожидала указы о запрете русской национальной одежды. В «немецкое и венгерское» платье переоделись лишь дворяне, а в мундиры – военные люди. Основная масса населения не имела ни денег, ни желания менять лапти на башмаки и армяки на камзолы.

Тем не менее новшества, которые Петр начал активно внедрять в бытовую сторону русской жизни, произвели целую культурную революцию, о которой я более подробно расскажу в соответствующей главе.

Другое дело, за которое царь сразу по возвращении взялся с неистовой энергией, к европеизации и модернизации никакого отношения не имело, а наоборот возвращало Русь ко временам Ивана Грозного.

Петр затеял повторное следствие по делу о стрелецком бунте. Расправа, учиненная князем-кесарем по свежим следам восстания, показалась царю слишком мягкой. Он подозревал, что истинные масштабы заговора остались нераскрытыми.

Никому не доверяя, Петр возглавил расследование лично. Всех стрельцов, содержащихся под стражей по тюрьмам и монастырям (около 1 700 человек), привезли для допроса. Заработали одновременно два десятка пытошных застенков. Во многих случаях истязаниями руководил сам государь. Его больше всего интересовали доказательства соучастия Софьи.

Такие показания, конечно, вскоре были выбиты – правдивые или нет, неизвестно. Кто-то после третьей пытки огнем рассказал про письмо от царевны с призывом идти в Москву. Самого письма не обнаружилось, и стали выяснять, через кого оно могло быть передано. Поскольку монастырь был женский, под подозрение попали служанки и посетительницы Софьи.

Раньше пытали мужчин, теперь взялись и за женщин. Те назвали царевну Марфу, часто бывавшую у Софьи и якобы выносившую от нее какие-то бумаги.

Своих сестер, Марфу и Софью, Петр допрашивал сам – слава богу, без пыток. Ясности эти беседы не прибавили. Марфа всё отрицала. Отпиралась и Софья, хотя Петр привез к ней в келью на очную ставку покаявшихся свидетелей-стрельцов. Так эта линия расследования ничего и не дала.

Проливать царскую кровь Петр не решился, но покарал сестер сурово. Марфу насильно постригли и продержали в монастырском заключении до самой смерти. Так же поступили и с Софьей, условия содержания которой сильно ужесточились. Бывшая правительница угасла в каменном мешке шесть лет спустя. Мстительный младший брат распорядился повесить прямо перед кельей трех стрельцов с бумагами в руках – якобы теми самыми письмами. Несколько месяцев мертвецы раскачивались прямо за окном.

Стрелецкие казни. Гравюра. 1699 г.

С рядовыми участниками мятежа Петр обошелся без подобных изысков. С 30 сентября начались публичные казни. За три недели кровавый спектакль повторился шесть раз.

Подробное описание экзекуций оставил секретарь австрийского посольства Иоганн Корб (Петр настоял, чтобы при казнях присутствовали иностранные послы). Особенное впечатление на всех произвел день самых массовых расправ – 17 октября. «Эта казнь резко отличается от предыдущих;

она совершена весьма различным способом и почти невероятным: 330 человек за раз, выведенные вместе под роковой удар топора; эта громадная казнь могла быть исполнена потому только, что все бояре, сенаторы царства, думные и дьяки, бывшие членами совета, собравшегося по случаю стрелецкого мятежа, по царскому повелению были призваны в Преображенское, где и должны были взяться за работу палачей». О том же сообщают и другие свидетели. Петр потребовал от приближенных доказательства преданности: все должны были рубить стрельцам головы собственной рукой. Некоторые вроде Александра Меншикова проделали это охотно и без каких-либо колебаний. Кому-то стало дурно. Князь Борис Голицын никак не мог попасть несчастному стрельцу топором по шее. Отказались только, к их чести, Франц Лефорт и командир Преображенского полка Иоганн фон Блюмберг, сославшись на то, что у них на родине подобных обычаев не водится. Рассказывают, что царь тоже не погнушался палачеством и убил пять человек.

Всего обезглавили, колесовали и повесили 799 осужденных, чьи трупы гнили по всей Москве до следующей весны. Многие умерли от пыток. Остальных Петр помиловал – но тоже на свой лад. Корб пишет: «Царь не хотел излишней строгости, особенно потому, что он имел в виду молодые лета многих преступников или слабость их рассудка; люди эти, так сказать, более заблуждались, чем погрешили. В пользу этих преступников смертная казнь была заменена телесным наказанием другого рода: им урезали ноздри и уши, чтобы они вели жизнь позорную, не в глубине царства, как прежде, но в разных пограничных варварских московских областях, куда в этот день, таким образом наказанных, сослано было 500 человек».

Оправдывая чудовищную жестокость этой расправы, некоторые авторы предполагали, что она была вызвана не просто параноидальной ненавистью царя к стрельцам, а дальним государственным замыслом: Петр вернулся из зарубежного вояжа с великим планом новой большой войны и в ее преддверии желал установить в государстве железный порядок, выжигая огнем и страхом потенциальное недовольство.

Впрочем, в вопросе о том, когда именно Петр стал готовиться к балтийской экспансии, полной ясности нет. Как уже было сказано, впервые об этом с ним заговорил бранденбургский курфюрст Фридрих III еще весной 1697 года, но царя тогда интересовало не Балтийское море, а Черное.

Однако летом следующего года после дипломатической неудачи в Вене, когда выяснилось, что европейцы воевать с турками больше не будут, по дороге домой Петр заехал в гости к саксонскому курфюрсту Фридриху-Августу, который только что стал польским королем под именем Август II, и там во время трехдневной дружеской попойки монархи наверняка пришли к какой-то предварительной договоренности об антишведском союзе.

Король-курфюрст относился к тому типу людей, которые очень импонировали молодому Петру. Красивый, статный, светский, настоящий европеец и к тому же государь, это был такой Лефорт в квадрате. У Августа с Петром оказалось много общего. Во-первых, они были сверстники – одному двадцать восемь лет, другому двадцать шесть. Оба любители шумных гуляний, оба великаны, обладавшие недюжинной физической силой. Но во время первой встречи Петр, вероятно, смотрел на нового друга снизу вверх.

Август всюду побывал, всё на свете перепробовал. В Испании он участвовал в корриде, в Германии бился с французами, в Венгрии побеждал турок. Отменный наездник, танцор, охотник и фехтовальщик, он слыл

легендарным ловеласом (рассказывают, что после короля осталось три с лишним сотни бастардов). Петр прямо влюбился в этого блестящего человека – до такой степени, что обменялся с ним одеждой и шпагами, да потом в таком наряде и вернулся в Москву.

В описании Нартова историческая встреча выглядит следующим образом: «Во время стола приметил Август, что поданная ему тарелка серебряная была не чиста, и для того, согнув ее рукою в трубку, бросил в сторону. Петр, думая, что король щеголяет пред ним силою, согнув также тарелку вместе, положил перед себя. Оба сильные государя начали вертеть по две тарелки и перепортили бы весь сервиз, ибо сплющили потом между ладонь две большие чаши, если бы шутку сию не кончил Российский монарх следующей речью: «Брат Август, мы гнем серебро изрядно, только надобно потрудиться, как бы согнуть нам шведское железо».

Кто сильнее? Рисунок И. Сакурова

Стало быть, монархи предавались не только разгулу и молодецким забавам, но и обсуждали будущую войну. Ничего сумасбродного и залихватского в этих планах не было – Швеция в тогдашнем ее состоянии представлялась соседям легкой добычей.

Времена, когда Европа трепетала перед шведским оружием, казалось, ушли в прошлое. В 1670-е годы шведы неудачно воевали против датчан с пруссаками и с тех пор вели себя смиренно. Король Карл XI был занят только внутренней политикой: укреплял центральную власть, враждовал с собственным дворянством, а кроме того в целях экономии сильно сократил регулярную армию, в основном полагаясь на призывников, которых то собирали для службы, то отпускали по домам. (Ниже я подробнее объясню суть этой реформы, сейчас же важно то, что, с точки зрения соседей, шведы совершили большую глупость и очень себя ослабили.) Изоляционистская политика Карла XI оставила Швецию без союзников. Хорошие отношения у Стокгольма были только с маленьким Гольштейн-Готторпским герцогством, но и это создавало одни только проблемы, потому что герцогство враждовало с Данией. В довершение ко всему в

1697 году король-реформатор умер, и на шведском престоле оказался 15-летний подросток, не обладавший настоящей властью и к тому же, по доходившим из Стокгольма слухам, склонный к разным безобразиям.

А между тем во времена былого могущества Швеция, стремясь превратить Балтику в свое «внутреннее озеро», отняла у сопредельных стран много ценных владений: у Польши – Ливонию, у Дании – Сканию (Сконе), у России такой необходимый ей выход к морю. В Германии шведская корона владела землями, на которые зарился крепнувший Бранденбург (он вскоре станет королевством Пруссия).

Если западная Европа собиралась делить испанское наследство, то в восточной половине континента стали готовиться к дележу шведского.

У Петра к соображениям государственным, вероятно, присоединялись и личные: он только что перенес унижительное дипломатическое фиаско в Вене, а тут вместо одного европейского союза намечался другой. Зная петровский характер, можно предположить, что и афронт – полученный от шведского губернатора в Риге, тоже сыграл свою роль. Царь этой обиды не забыл. Осаждая Ригу в 1709 году, он лично открывает канонаду по городу и напишет в реляции: «Сего дня о пятом часу пополудни бомбардирование началось Риги, и первые три бомбы своими руками в город отправлены, о чем зело благодарю бога, что сему проклятому месту сподобил мне самому отмщения начало учинить».

Балтийский регион в 1700 г. М. Романова

Как бы там ни было, исторический процесс, определивший судьбу восточной и северной Европы, начался с застолья двух молодых монархов, похваливавшихся друг перед другом своей силой. Со временем выяснится, что сила у них разного качества. Польский король войдет в учебники всего лишь с эпитетом August der Starke – Август Сильный, а Петр станет Великим.

Начинать новую большую войну, не окончив прежней, было невозможно, и главные усилия российской внешней политики в это время сосредоточены на замирении с Турцией.

На мирном конгрессе в Карловицах, где страны «Священной Лиги» вели переговоры с Портой, присутствовал и русский посол дьяк Прокофий Возницын, но союзники не оказывали ему никакой поддержки (как было сказано выше, Австрия, а вместе с ней посредничающие державы Англия и Голландия желали, чтобы война между Россией и Турцией продолжалась). В результате заключенного договора Австрия получила большие территории в Венгрии,

Трансильвании и Словении, Венецианская республика обогатилась Мореей и Далмацией, Речь Посполитая вернула себе часть украинских земель – в общем, по выражению Ключевского, союзники «хорошо себя удовольствовались». Россия же осталась ни с чем – и без приобретений, и без мирного договора. Возницын с большим трудом добился лишь «армистициума» (перемирия) на два года.

Это значило, что мира с Турцией придется добиваться в одиночку. Петр решил использовать главный свой аргумент – угрозу нового нападения и с этой целью активизировал строительство Воронежского флота. Всю зиму 1698–1699 годов на донских верфях лихорадочно строили военные суда.

Самое представительное из них, 46-пушечная «Крепость», должно было отвезти в Константинополь посольство во главе с думным дьяком Емельяном Украинцевым. Этой демонстрацией новых возможностей России царь рассчитывал устроить турок и побудить их к сговорчивости. Посол получил задание не только закрепить в договоре захват Азова, но, если получится, выторговать Керчь – тогда русским открылся бы путь в Черное море.

Петр придавал этому плаванью такое большое значение, что сам сопровождал посольство до Керченского пролива, взяв в поход все лучшие корабли.

В апреле 1699 года эскадра из 18 вымпелов появилась в виду Керчи. Петр шел капитаном на корабле «Апостол Павел». Турки согласились пропустить только «Крепость», и то под конвоем. Через море поплыл один русский корабль, остальные повернули обратно.

И все же эффект до некоторой степени удался. В Константинополе были неприятно удивлены тем, что у русских появились серьезные корабли. Хорошо зная обыкновения султанского двора, Украинцев захватил с собой еще запас взяток «на раздачу» – мехов, рыбьего зуба, китайского чая. Неизвестно, что больше подействовало – запугивание или задабривание, но переговоры о мире в конце концов завершились успехом. Торг продолжался долго, целых десять месяцев.

Но Петр в это время не бездействовал. Помимо явной дипломатической игры всю разворачивалась другая, тайная. Параметры антишведской коалиции и планы грядущей войны обретали все более конкретные очертания.

Курфюрст Бранденбургский, с которого всё началось, в альянс не вошел. Он готовился участвовать в войне за испанское наследство, поскольку император Леопольд пообещал за это признать Пруссию королевством. Зато к Августу и Петру изъявил готовность присоединиться Кристиан V Датский. Датчан встревожила горячая дружба между юным шведским королем Карлом XII и голштейн-готторпским герцогом Фридрихом, заклятым врагом Копенгагена. У Дании была довольно большая армия, а главное – мощный флот, которого не имели ни Петр, ни Август.

Последний мог участвовать в альянсе только силами принадлежавшей ему Саксонии, но не Речи Посполитой, которая в вопросах объявления войны королю не подчинялась. Однако саксонская армия числилась из лучших в Европе. В ней насчитывалось около тридцати тысяч солдат, тысяч двадцать было у короля датского, русские могли собрать войско по меньшей мере такое же, как у союзников, вместе взятых. Преимущество над шведами получалось сокрушительное.

Кроме того можно было надеяться на мятеж прибалтийского дворянства, очень недовольного так называемой редукцией Карла XI – насильственным изъятием поместий в пользу казны. Предводитель недовольных Иоганн фон Паткуль, бывший офицер шведской службы, перешедший на службу к Августу, обещал, что с началом боевых действий поднимется всё лифляндское рыцарство. Паткуль был человек огромной энергии и выдающегося красноречия. Он и стал истинной душой тайного сговора, курсируя между столицами.

Осенью 1699 года союзники заключили тайный договор, по которому Дания должна была нанести удары в Скандинавии (где ей принадлежала Норвегия) и в Голштинии, саксонцы втор-

гались в Прибалтику, где их поддержала бы местная знать, а Россия атаковала Ингрию и Карелию. Победа обещала быть быстрой и легкой.

Петр выдвинул только одно условие, совершенно резонное: его страна вступит в войну не раньше, чем будет подписан мир с Турцией. Однако уже было ясно, что ждать этого недолго, поэтому Дания и Саксония собирались напасть, не дожидаясь союзника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.